

Хороший мальчик

БЕСТСЕЛЛЕР USA TODAY!

Я тону в этой девушке и не хочу, чтобы меня спасали. БЛЕЙК
Кто он такой, чтобы настаивать, что мы пара? ДЖЕСС

ЭЛЬ КЕННЕДИ ♥ САРИНА БОУЭН

Запретное желание

Эль Кеннеди

Хороший мальчик

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кеннеди Э.

Хороший мальчик / Э. Кеннеди — «Издательство АСТ»,
2017 — (Запретное желание)

ISBN 978-5-271-48584-8

Организовать свадьбу брата, на которую придут знаменитые хоккеисты, — это вызов всей жизни для Джесс Каннинг. Уже став главной неудачницей в семье, она не может позволить себе облажаться. И никому — никому! — нельзя узнать об огромной ошибке, которую она совершила с шафером прошлой весной. Это было неправильно и больше не повторится. Ни в коем случае. Даже если он самое сексуальное существо на планете Земля. Блейк Райли считает этот праздник подарком судьбы. Джесс — подружка на свадьбе, а он шафер? Да начнется игра! Ну и что, что он сталкивается с небольшим (ладно, большим) сопротивлением? Ему просто надо убедить эту упрямую блондинку, что он очень хороший мальчик с дурной репутацией. К счастью, каждый профессиональный хоккеист знает, что если хочешь забить гол, то надо приложить усилия. Но у Джесс есть более важные проблемы, чем этот настырный парень. Например, начнется ли церемония вовремя, если кто-то напоил бабушку? Есть ли на свадьбе место блесткам? И можно ли на этой свадьбе обойтись без импульсивных убийств?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-271-48584-8

© Кеннеди Э., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Обязанности подружки на свадьбе	7
Чем, черт возьми, всем не угодили блески?	14
Все выглядит потрясающе	22
Мы номер один. Или два	26
Без-урр-пречно	33
Серьезный случай синдрома дефицита внимания	39
С твердостью скалы	42
Порывы высказаться	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эль Кеннеди, Сарина Боуэн

Хороший мальчик

Sarina Bowen, Elle Kennedy
GOOD BOY

Copyright © 2017 by Sarina Bowen and Elle Kennedy

© Анна Григорьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Обязанности подружки на свадьбе

Джесс

Сотрудники ресторана превзошли сами себя, но я продолжаю суетиться вокруг обеденного стола. Поправляю напоследок каждый букет, хочу убедиться, что все безупречно. Выглянув в окно, я отмечаю, что безоблачное небо начинает темнеть. Закуску на предсвадебном ужине брата подадут тогда, когда над Тихим океаном появятся первые цветные полосы.

Прогноз погоды на завтра идеален: будет солнечно, максимум двадцать четыре градуса. Даже природа не смеет вмешиваться в величайшую свадьбу, которую когда-либо устраивали.

Стоя у арки возле входа в частный обеденный зал, я слышу, как точно по расписанию открывают шампанское. Прибывают гости. У бара смеется моя сестра. В дверном проеме появляется голова матери.

– О, милая, ты проделала великолепную работу! – восклицает она. – Все прекрасно! Предрекаю головокружительный успех!

– Спасибо, – шепчу я, дотрагиваясь до ножа для масла, который уже поправляла две минуты назад.

– Ты постоянно нас удивляешь, мисс Джессика. – Мама широко улыбается, поднося к губам бокал шампанского.

Вместо того чтобы улыбнуться в ответ и принять комплименты, я злюсь. Потому что я не слышу похвалу, слова вроде «великолепно», или «головокружительный успех», или «мисс Джессика» – прозвище, которое дал папа, когда мне было три года.

Я слышу лишь *«удивляешь»*.

Подтекст прост: семья удивлена, что я смогла справиться с предсвадебным ужином и не облажаться.

– Спасибо, мама. – Я выдавливаю улыбку.

Мать исчезает, наверное, чтобы поприветствовать еще кого-то из своих шестерых детей.

Я тоже должна быть где-то там, пить вино и возлежать на лаврах. Но я, не в силах себя остановить, вытаскиваю из сумки записную книжку и еще раз от начала до конца изучаю список дел на сегодня. Оформить карточки с именами – сделано. Заказать белое вино со льдом – исполнено.

Все в совершенстве. Кроме меня. Я разбита к черту. Организация идеальной свадьбы – это в первую очередь стресс. А во вторую...

– Уэсли! Бомба Джей! – ревет голос в соседней комнате. – Я приехал!

Глубокий тембр его голоса отзывается вибрациями в груди. Блэйк Райли в здании, и мое артериальное давление подскакивает вдвое. Я делаю вид, что озабочена столовым серебром, и прислушиваюсь.

– Вы оба сегодня свихнетесь! – говорит Райли, и я слышу громкий звук братских объятий. – А это что за красotka?

Мать начинает мельтешить вокруг Блейка, и я чувствую, как по спине бегут мурашки. Мало мне стресса от свадьбы, так еще и придется мириться с присутствием самого громкого, нахального и раздражающего мужчины, которого я только встречала. У него сексуальное тело, яркая индивидуальность и...

Ладно. У него еще и огромный член. Но я изо всех сил стараюсь не думать об этой части его тела.

Нельзя, чтобы семья узнала об огромной ошибке, которую я совершила этой весной. Не могу предоставить им еще одно доказательство моего безрассудства, не когда я вот-вот объявлю об очередном карьерном повороте. Для всех я – легкомысленный ребенок. Да и сама я считаю себя ходячей катастрофой после того, как позволила Блейку снять с себя одежду. Поверьте, этого больше не повторится. Но его присутствие все усложняет. Завтра я устраиваю свадьбу для трехсот человек, включая два десятка знаменитых хоккеистов. Блейк весь последний месяц присылал неприличные свадебные идеи и шутки. А когда я не реагировала – фото своей руки вокруг члена.

«О господи, хватит», – отвечала я. – *Это может кто-то увидеть».*

Ха! Знал, что до тебя доходят мои сообщения!

Этот мужчина неисправим.

Мне больше нечего проверять и поправлять. Я просто прячусь в пустом обеденном зале.

Я провожу рукой по волосам, облизываю губы и, высоко подняв подбородок, шумно делаю вдох, прежде чем направиться к бару. Замечаю сестру Тамми с бутылкой шампанского и иду к девушке, не глядя на Блейка. Краем глаза вижу, что он стоит у края стойки. Стоит войти в комнату, где есть этот мужчина, как ощущаешь его присутствие, словно непрерывный зуд от ядовитого плюща.

– Держи, Джесси! – говорит Тамми, передавая бокал. – Я впечатлена, как ты хорошо организовала этот знаменательный для Джейми день!

– Спасибо, – бормочу я, выпивая газированный напиток.

Тамми щедра на комплименты; к нам подходит мать и присоединяется к похвале. Они ожидали, что я грандиозно провалюсь или брошу все на полпути. И мне не приносит никакого удовлетворения понимание, что завтра свадьба тоже пройдет замечательно. Потому что вскоре после этого мне придется рассказать, что я больше не буду организовывать праздники.

Близкие не перестанут неодобрительно качать головами, пока Джейми и Уэс не вернутся из медового месяца.

– Что такое, мисс Джессика? – спрашивает мать.

Блин. Синди Каннинг должна была пойти в правоохранительные органы. Клянусь, эта женщина может распознать любую ложь, прочесть все по лицу. Но я отказываюсь портить предсвадебный ужин братишки рассказами о своих комплексах.

– Все в порядке, – твердо говорю я. – Посмотрите на Джаместера. Он выглядит таким счастливым.

Отвлекающий маневр срабатывает, и лицо матери смягчается, когда она смотрит на младшего сына. Джейми стоит рядом со своим женихом, накрыв ладонью его затылок. Они показывают фотографии с недавней рыбалки Пэту – владельцу хоккейного лагеря, в котором они встретились. Все трое расслаблены и улыбаются.

Я никогда не видела Джейми таким спокойным и удовлетворенным. Райан Уэсли, его суперуспешный и известный жених, напротив, немного напряжен. Но у него есть на это причины.

Именно поэтому организовать свадьбу было непросто. Любой может арендовать шатер и нанять музыкальную группу. А вот спланировать празднование для человека, семья которого перестала с ним общаться, – это намного сложнее. Пресса повсюду следует за ним по пятам. Мне пришлось бронировать все под вымышленными именами. Но двое людей, которые сегодня должны быть здесь, родители Уэса, не сочли нужным принять участие в происходящем.

Я спланировала ужин, вечеринку в честь помолвки, несколько месяцев назад, а также церемонию и завтрашний банкет, стараясь не привлекать внимание к этому пробелу. Не будет никаких свадебных подарков с детскими фотографиями женихов, потому что, вполне вероятно, их уже не существует в природе. Вместо этого я выбрала шоколад в форме шайбы, потому что брат познакомился с Уэсом в хоккейном лагере.

Большинство товарищей по команде будет завтра на церемонии, но сегодняшний ужин только для семьи, близких друзей и участников свадебной процессии. Совмещая несколько ролей, ко всему прочему, я – шафер Джейми.

Раньше я уже исполняла обязанности подружки на свадьбе. Обычно мне нравится ответственность, которая возлагается вместе с этим статусом. А если еще и шафер милый, то это дополнительный бонус. На свадьбе моей подруги Вэнди прошлым летом я сбежала с красавчиком-шафером посреди банкета, и мы закрылись в его номере на два дня.

Но в этот раз такого не случится. Ни за что. Потому что шафер Уэса...

– Какого черта, Малышка Джей? Ты не сделала ничего из того, что я предложил!

...да, он. Мускулистый Блейк прошел сквозь толпу, чтобы «осчастливить» меня своим вниманием.

– Понятия не имею, чего ты там мямлишь, – прохладно говорю я. А потом совершаю ошибку, подняв голову и посмотрев ему в глаза. Черт, почему этот раздражающий человек настолько красив? Ярко-зеленые глаза, обрамленные густыми ресницами, смотрят на меня в ответ. Они расположены на безумно привлекательном лице. На долю секунды я забываю все причины, по которым мне не нравится этот мужчина. Сузив прекрасные глаза, Блейк смотрит на меня в ответ.

– Ты *точно* знаешь, о чем я говорю. – Он обводит рукой заполненную свечами комнату. Я невольно замечаю, как аппетитно точно подогнанный черный костюм обтягивает его скульптурное тело. – Где блески, а? И где баннер, о котором я просил? Здесь должно быть написано: «Уэсми навсегда!»

А, точно. Теперь я вспомнила.

– Прости, чувак, но блескам не место на этой свадьбе. «Уэсми» – дурацкое прозвище для пары. А все баннеры уже забронировали для школьных выпускных и проводов на пенсию. – Я месяцы потратила, чтобы сделать это мероприятие стильным и безупречным. А он хочет превратить его в Фестиваль Безвкусицы.

Уголки его губ приподнимаются в самодовольной ухмылке.

– Назови меня так еще раз.

– Как назвать?

– «Чувак». Тащусь от этого. Напоминает о днях в братстве.

Блейк состоял в братстве? Вот это неожиданность.

– Знаешь, – продолжает он, – тогда все малышки неволей-волей сами на меня бросались.

– Волей-неволей, – поправляю я.

– А?

– Правильно говорить «волей-неволей».

Он подмигивает мне.

– Уступлю только потому, что ты права. Сначала всегда все происходит по воле.

Я стискиваю зубы. Этот мужчина невозможен. Не знаю, что вынудило меня раздеться перед ним.

«Одиночество», – напоминает внутренний голос.

Точно. И проклятая девчачья потребность чувствовать себя желанной, которая появляется после разрыва. Может, я и по собственной инициативе рассталась с Рейвеном, но это не означает, что я не чувствовала себя уязвимой. Блейк оказался в нужном месте в нужное время.

Спать с ним было ошибкой, этого не повторится. И неважно, что он довел меня до оргазма три раза за тридцать минут.

– Вообще-то жизнь не так уж сильно отличается от колледжа, – задумчиво говорит он. – Малышки до сих пор стучат к Райли в эту старую дверь. – Он ухмыляется мне. – Иногда они появляются в одном только плаще.

– У-у, как извращенно. – Мой голос сочится сарказмом.

– Так и есть, – серьезно отвечает он. – Впрочем, как и заниматься этим на массажном кресле.

Мужчина смеется от души, так же, как проживает каждый день: громко, бурно, безудержно, в полную силу.

Как и трахается.

А-а-а. Не хочу думать о нем в постели. Вообще не хочу думать о нем, точка.

– Мне надо поговорить с поваром, – заявляю я. – Иди приставай к кому-нибудь другому.

– Не отстану, пока не скажешь, почему отклонила идею о фигурах женихов в полный рост.

– Потому что это по-детски! – выпаливаю я, измотанная так, что начинаю злиться. – Как и все твои идеи! Я пыталась организовать свадьбу, а ты – день рождения девочки-подростка!

Он усмехается.

– Прости, что попытался добавить хоть немного веселья в свадьбу твоего брата. – Он снова обводит рукой комнату, показывая на прекрасные букеты на каждом столике и мерцающие свечи на карнизах у стен. – Может быть, если бы ты воспользовалась хотя бы одним из моих предложений, эта тусовка не была бы такой нудной.

– Она не нудная, а элегантная. А теперь, если ты меня извинишь... – Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не топнуть ногой, но это будет совсем по-детски. Блейку Райли не понять, каково быть единственной неудачницей в успешной семье. К тому же нет ничего скучного в том, что я с такой любовью подготовила для этой свадьбы. Все будет безупречно, или я умру, стараясь соответствовать.

Слишком поздно убеждать моего почти уже зятя выбрать другого шафера. Поэтому я решаю проблему единственным способом: делаю глоток шампанского и ухожу подальше от этого болвана.

Блейк

Я смотрю, как Джесс Каннинг устремляется прочь, дразня меня своими длинными загорелыми ногами и покачивая идеальной задницей. На первый взгляд может показаться, что я не нравлюсь этой девушке. Но такие уж у нас отношения. *Пламя*, детка. Этот разговор обеспечил мне как минимум час нежной любви. В какой-то момент придется перестать ее травить, чтобы Джесс вспомнила, как сильно ей нравится быть со мной.

Самое главное – выбрать время. А я всегда был в этом хорош. Именно поэтому я в прошлом сезоне забил двадцать один гол. И, *черт*, дразнить ее безумно весело. В ответ на гладком лбу, который так и тянет поцеловать, появляется милая маленькая морщинка. Ее большие карие глаза начинают сверкать, как у одержимого.

Такими темпами мы с ней займемся сальсой голышом не раньше десерта. Но я терпеливый человек, могу подождать. А пока буду наслаждаться морепродуктами в компании ребят из братства.

Несколько минут спустя Джесс ведет всех в обеденный зал с видом на бухту. Кругом горят свечи, вид из окна убийственный. Лодки вдалеке кажутся игрушечными. Это потрясающее зрелище.

– Ну и помойка, – говорю я Джесс, когда она поправляет рядом очередную мелочь. – Я хотел, чтобы ужин был в забегаловке на пляже.

Она бросает на меня полный ненависти взгляд.

Да-а-а. Мой член слегка дергается от нетерпения.

На столиках расположены карточки с именами, чтобы все знали, куда садиться. Мое место – на противоположном от Джесс конце длинного стола. Знаю: она это сделала, чтобы мы могли издали тоскливо смотреть друг на друга.

Я сажусь рядом с ее братом Скоттом.

– Чувак. У тебя оружие с собой? – Если бы я не был хоккеистом, то стал бы, как он, копом.

– Нет, незачем появляться на свадьбе брата вооруженным до зубов.

– Облом. Тогда можно будет поиграть с сиреной в твоей машине?

Всегда хотел это сделать.

– С тех пор как я стал следователем, у меня ее больше нет.

– Вот это несправедливость! – Я хлопаю парня по спине. – Какой смысл быть копом, если тебя оставляют без снаряжения?

Он берет меню, и я делаю то же самое. Это список всех вкусовностей, которые мы будем есть. На обложке изображена черно-белая карта деревни Лейк-Пласид в штате Нью-Йорк, хотя сейчас мы находимся в округе Марин в Калифорнии. Джесс поместила изображение места, где встретились Джейми и мой товарищ по команде Уэс.

Не сдержавшись, вытаскиваю телефон и пишу ей.

Надо было сделать, как я предлагал: фотография двух трахающихся лобстеров. Задало бы настроение для мальчишника.

Ее ответ приходит через минуту.

Перестань мне писать, или я тебя заблокирую.

Да. Она точно меня хочет.

Официанты начинают разносить еду, поэтому надо сосредоточиться. Нельзя достичь моего размера, не следя за тем, что жрешь. К счастью, ресторан не разочаровывает. Нам подают изумительный коктейль с креветками и такое изысканное и аппетитное севиче, что хочется плакать. За этим следует хвост омара, лосось с картофельной корочкой и перечный тунец.

Я в раю.

Когда тарелки пустеют, наступает время десерта. Но мне приходится отложить шоколадный мусс: пора поиздеваться над женихами. Не могу позволить малышке Джей меня в этом обскакать. Кажется, она уже собирается сделать свой ход, поэтому спешу встать первым. Двигаюсь так быстро, что стул громко падает. Это даже хорошо, потому что всеобщее внимание теперь приковано ко мне.

– Леди и джентльзвери... – начинаю я.

За другим концом стола Джесс смотрит на меня, прищурив красивые карие глаза.

– ...как шафер Уэса я обязан сегодня его опозорить.

Слышатся смешки, а друг лишь качает головой.

– Но это будет нелегко, – признаюсь я. – Потому что Райан Уэсли – чертовски хороший товарищ по команде. Конечно, у него полно всяких выкрутасов. Но человек, который увидел их все: и публичное раздевание в Лейк-Пласид, и пьянки, и незаконные проникновения, – завтра на нем женится. И он отказывается посвящать меня в подробности.

Опять звучит смех.

– В этом году он отыграл сезон, в котором совсем не было ничего позорного, поэтому тут тоже нет компромата. Если честно, в последнее время Уэс может стыдиться только одного: силы своих чувств к Джейми.

– О-о-о-о! – в один голос умиляется вся семья.

Уэс смотрит на свою чашку кофе.

– Конечно, я мог бы стоять тут и рассказывать о какой-то тупой хрени, которую иногда говорит Уэсли. Например, ночью в баре после игры против Филли он *яростно* доказывал, что пингвины не млекопитающие. – Я хмыкаю, вспомнив эту нелепость. – Он хотел, чтобы я поверил, что они птицы.

– Они и *есть* птицы, – еле слышно бормочет Джесс, потому что обожает меня провоцировать.

– Но я подумал, что будет веселее... – я делаю знак официанту, стоящему у двери, и он вносит взятый напрокат большой планшет. Я встаю так, чтобы всем меня было видно, и включаю эту штуку, – ...позволить Уэсли опозорить себя самого. Как оказалось, он не всегда был великолепным хоккеистом и жеребцом. Я подумал, что вам стоит это знать. – Я нажимаю на кнопку воспроизведения видео, которое подготовил, и поднимаю планшет.

Звук работает хорошо. Из динамиков вылетают первые ноты песни U2 «Я все еще не нашел то, что искал»¹. Экран освещает вступительная надпись: «Райан Уэсли, дамы и господа». За ней следует: «Супержеребец». Появляется первая фотография с двухлетним Уэсом, хватающимся пухлой ладошкой за хоккейную клюшку. Выглядит он довольно безумно.

На другом конце стола ахают. Глаза Джесс увеличиваются до размеров десертной тарелки.

– О-о-о-о! – восклицает Синди Каннинг, хватаясь за сердце.

– Посмотри на себя! – воркует Джейми, глядя жениха по спине. Уэс лишь подается вперед, в замешательстве глядя на экран.

– Хорошо, что у руководства клуба Торонто не было доступа к этим малышам. – Я хмыкаю, когда на экране появляется следующее фото. Это Уэсли в зимнем комбинезоне в возрасте, по-моему, лет пяти, и эти пламенные глаза уже узнаваемы. Он где-то на пруду несется на коньках за двумя детьми, которые больше него раза в два. У него ни единого шанса их догнать. Это самое смешное, что я только видел.

Но никто не смеется. Джейми обнимает одной рукой своего парня, и его глаза блестят. Синди Каннинг стоит за ними, обхватив каждого за плечи. А все остальные гости улыбаются.

– Где ты их вообще откопал? – бормочет кто-то.

А потом начинается самое интересное. На видео восьмилетний Уэсли в полной экипировке с решительным взглядом посылает шайбу в ворота и... промазывает! Ради смеха за этим следуют еще три фрагмента с промахами, сделанными в разное время. На одном ролике он, крошечный, врезается лицом в снежный сугроб на берегу.

Наконец-то я слышу смех. Непростая сегодня аудитория.

На экране появляются еще фотографии: Уэсли в двенадцать, принимающий награду; он с брекетами и прической, как будто он только проснулся. Музыка нарастает, потому что видео подходит к концу.

– Приготовьтесь, – говорю я аудитории.

Мы видим Уэсли в четырнадцать с ухмылкой и большим прыщом на носу.

Последний снимок – гвоздь программы. Это единственное фото, которое мне пришлось украсть из бумажника Уэсли ночью в округе Колумбия во время плей-оффа². Все были так вымотаны после овертайма³, что хватило одного стакана виски, чтобы мы опьянели и перестали соображать. Я стянул фото и попросил консьержа в отеле его отсканировать (пришлось отдать за это двадцать баксов). Полчаса спустя оно благополучно вернулось к хозяину.

Слышится хор из вздохов, когда на экране появляется фото шестнадцатилетних Джейми и Уэса вместе. Они стоят на прогулочной тропе где-то около Лейк-Пласид. Джейми корчит рожу, а Уэс смотрит на него с такой любовью, что у меня даже колет в груди.

Я гляжу на лицо товарища по команде и замечаю красные пятна на скулах. Наверное, он думает, что этой фотографией я его опозорил, потому что она слишком личная. Но это не так. Позор – это провозглашать свою любовь к тому, кто потом тебя предаст. Хотя такая хрень случается только со мной.

¹ «I Still Haven't Found What I'm Looking For» – песня ирландской рок-группы U2 (здесь и далее прим. пер.).

² Серия игр на выбывание, в которой команда выбывает после первого проигрыша.

³ Время, назначаемое в ходе спортивного состязания в случае, когда в течение основного времени определить победителя не удалось.

Шоу подошло к концу, поэтому я выключаю планшет и отдаю его обратно официанту. Шоколадный мусс все еще ждет меня. Когда я усаживаюсь, вибрирует телефон. Надеюсь, что это сообщение от моей завтрашней спутницы на свадьбе, я с нетерпением гляжу на экран.

Но это от Джесс.

Откуда ты откопал эти фотографии и видео????

Отвечаю незамедлительно.

Перестань мне писать. Не хочется, чтобы мне пришлось тебя заблокировать.

Она бросает на меня дьявольский взгляд с другого конца стола.

Да, дело *пошло*.

Чем, черт возьми, всем не угодили блески?

Блейк

Я бывал на куче мальчишников. У большинства из них был рейтинг «тройное X»⁴. Стриптизерши, которые раздеваются догола. Танцы на коленях. Один вечер закончился оргией, на другом была тонна взбитых сливок.

Конечно, я не ждал на этой тусовке всех трех X, но неужели женихам было так сложно дать мне организовать что-то хотя бы с *одним* X? Или с рейтингом R⁵?

PG⁶ мне не подходит: заставляет нервничать.

Но Уэсли и Джейми озвучили кучу правил и потребовали, чтобы я подчинился. Никаких огромных тортов с выпрыгивающим из них стриптизером. Никаких шотов текилы, которые можно пить с чужой задницы. И никаких блесков.

Чем, черт возьми, всем не угодили блески?

– Классное место, – замечает Эриксон, мой товарищ по команде.

– Ничего так, – соглашается друг Уэса со времен колледжа Кассел, поднося сигару к губам и делая быструю затяжку. Клубы дома, поднимаясь, окрашивают воздух в серый цвет и вызывают у Джейми кашель.

– Кому пришло в голову устраивать это в сигарном баре? – ворчит Джейми, но я не знаю, зачем он спрашивает: карие глаза и так уже смотрят на вашего покорного слугу.

Я гляжу на Жениха Номер Два. Уэсли я обозначил Женихом Номер Один, потому что с ним я познакомился раньше.

– Мне, тупица. Потому что все остальные предложения *кто-то* забраковал.

Уэсли наклоняется и чмокает Жениха Номер Два в чисто выбритую щеку. Мы вдвоем присвоили себе дальний угол темного, обшитого панелями зала, где музыка не гремит и нам не приходится друг другу кричать. Папа Джейми и тренер Пэт выглядят так, словно умерли и оказались на небесах, сидя бок о бок в обтянутых кожей креслах и потягивая бурбон.

– Это было меньшее из зол, малыш, – говорит Уэс своему мужчине. – Радуйся, что никто тут не размахивает палкой для лимбо.

– Ночь только началась, – говорю я, выразительно приподнимая бровь. Но, сказать по правде, мне даже начинает нравиться эта сдержанная атмосфера в зале.

Единственное, чего тут не хватает, – малышки Джей, которая сидела бы у меня на коленях и затягивалась сигарой. Но вся женская половина осталась дома, что, думаю, правильно.

– Только чтобы завтра без похмелья, – погрозила Джесс на парковке у ресторана, прежде чем уехать. – Я не хочу, чтобы вы были зелеными на фотографиях.

– Не волнуйся. Они ответственные взрослые люди, совсем как я.

– Вот поэтому и переживаю, – проворчала она в ответ.

Она всегда подшучивает, мой милый светловолосый ангел. Я знаю: она обожает наши словесные прелюдии так же сильно, как и я. Просто девушка слишком упряма, чтобы это признать.

К тому же она обижена, потому что Джейми всерьез заболел, когда мы должны были о нем позаботиться. И в тот день я *познакомился с Джесс*... в библейском смысле.

⁴ X (или NC-17) – рейтинг, принятый Американской киноассоциацией и означающий, что лица 17-летнего возраста и младше на фильм не допускаются.

⁵ «Лица, не достигшие 17-летнего возраста, допускаются только в присутствии родителей».

⁶ «Просмотр нежелателен детям до 13 лет».

Пугающий озноб у Джейми был совершенной случайностью. И все в итоге закончилось хорошо: чувак же завтра женится, разве нет? Но Джесс никогда не спустит мне этого с рук, хоть ее младший брат и здоров как конь.

Как и мы все. Здоровы, имею в виду. Сейчас лето, и мы пьем дорогой скотч и курим первоклассные сигары. Завтра мы оденемся в самые лучшие наряды и будем смотреть, как Уэс и Джейми связывают себя узами брака.

Господи, жизнь чертовски хороша.

Это приводит меня в сентиментальное настроение, поэтому я сажусь рядом с Эриксоном. Он единственный выглядит немного подавленным.

– Выше нос, цветочек. Свадьба же.

Он виновато опускает глаза.

– Знаю. Буду вести себя хорошо. Просто свадьбы напоминают о моей собственной. Когда говорил «согласен», я был искренен.

Упс. Жена Эриксона ушла от него прямо перед плей-оффом.

– Мне жаль, чувак. Но эта хрень не смертельна. Как боль или жесткий удар под дых. Какое-то время ощущения ужасные, но потом они отступают.

– А ты что в этом понимаешь? – ворчит Эрикссон.

Больше, чем он думает.

– Ты слышал когда-нибудь, как я чуть не женился?

Он задирает подбородок и улыбается.

– Дай угадаю: это было в Вегасе с танцовщицей? Могу представить.

– Не-а. Ты даже не близок. – Я затягиваюсь сигарой и переносусь назад во времени. – Это было почти пять лет назад, во время моего первого сезона. В то время я встречался с девушкой из колледжа уже три года. Я любил ее больше, чем мог представить.

Эриксон удивленно изгибает бровь.

– Серьезно, я бы лег ради нее под поезд. Мы уже назначили дату свадьбы. Триста человек было приглашено на тусовку в зоопарке Торонто...

– О боже. – Он фыркает. – Для тебя это идеально. Клетка гориллы, да?

– Экспозиция львов. Но за два месяца до свадьбы я все отменил.

– Что случилось? – Он, похоже, потрясен таким сюжетным поворотом.

Я делаю глоток скотча и задумываюсь, что именно хочу рассказать товарищу по команде.

– Она совершила кое-что непростительное. Настоящее предательство, хрень вроде «Молодых и дерзких»⁷. И я осознал, что все закончилось, даже не успев начаться. Любой, кто может лгать в лицо, – не тот, на ком надо жениться.

Сидящий рядом с нами Скотт, брат Джейми, морщится. Если не ошибаюсь, он тоже недавно с кем-то расстался.

– Мне жаль, братан, – говорит он, – но такое лучше осознать сразу.

– Без шуток. И я не хочу быть кайфоломом, потому что у этих двоих, – я показываю стаканом на женихов, – есть все, чтобы пройти длинную дистанцию.

– Да! – Брейди, близнец Скотти, поднимает стакан.

Их старший брат Джо кладет пальцы в рот и свистит.

К нам поворачиваются головы: в этом заведении мы самые громкие. Но пошли они на хрен. Мы празднуем настоящую любовь.

– ЦЕЛУЙТЕСЬ! – ору я, стуча стаканом об стол. – Ну же, покажите нам, как это делается!

Уэс закатывает глаза, но Джейми смеется. Жених Номер Два встает, садится на колени, обхватывает лицо любимого и целует. Мы все одобрительно воем. Чудо, что в этом шуме получается услышать телефон. Я вытаскиваю его из кармана пиджака, который повесил на спинку

⁷ Американская «мыльная опера», идущая с 1973 г., о личной и профессиональной жизни двух семей.

кресла. Это свинство – отвечать на телефон, когда празднуешь вечную любовь двух самых близких друзей, но я ждал этот звонок весь день.

– Простите, – говорю парням. – Звонит моя спутница.

Я ухожу подальше и провожу по экрану. Пальцы у меня большие, так что разблокировать аппарат выходит не с первой попытки.

– Энджи, дорогая! – Телефон наконец-то реагирует на нажатия. – Ты нормально заселилась? Все в порядке?

Ее нерешительный голос щекочет ухо.

– Я только что доехала до отеля. – Пауза. – Точно можно занять твой номер?

– Все в порядке. Я договорился.

Все благодаря святой по имени Синди Каннинг.

– Я волнуюсь, – признается она. – Я никого не буду там знать.

Я усмехаюсь в телефон, хоть она меня и не видит.

– Ты знаешь там самого важного человека, Энг.

– Сколько раз говорила не называть меня так? – В ее тоне слышится раздражение.

– Сколько раз я говорил тебе, что не слушаю? – возражаю я. – В общем, заселяйся и поспи немного. Проведи хорошее, расслабленное утро. Я заеду за тобой завтра после обеда.

Я вешаю трубку, пока она не начала протестовать. Потребовались серьезные усилия, чтобы уговорить ее стать моей спутницей. Не уверен, что Джесс это понравится, но она же не мой босс, так ведь?

Джесс

Я «жонглирую» телефоном, ежедневником и дымящейся кружкой чая без кофеина, когда перехожу из крошечной кухни в гостиную. Мой друг Дайсон мямлит что-то невразумительное, хотя я спрашиваю, планирует ли он приехать пораньше, чтобы помочь.

Я ставлю кружку на кофейный столик и перебиваю его:

– Малыш, я тебя обожаю. Но, бога ради, ты *когда-нибудь* можешь ответить «да» или «нет»?

– Еще раз, какой был вопрос?

Я чуть не бросаю телефон в стену, но в последнюю секунду беру себя в руки.

– Ты придешь пораньше, чтобы помочь, или будешь в три? – спрашиваю я сквозь сжатые зубы.

– А, я приду пораньше, – решает он. – Можно будет посмотреть, как все приезжают, и обсудить, кто во что одет. О-о-о-о! Как думаешь, у кузины Брэнди опять случится конфуз с одеждой?

О боже, повторение инцидента с бюстгальтером без бретелей? Надеюсь, нет. Моей сестре Тамми до сих пор снятся об этом кошмары. Это случилось на вечеринке в честь их с мужем десятой годовщины свадьбы. Она так и не простила это кузине.

– Я уже заставила Брэнди прислать фотографии каждого предмета одежды, который она планирует надеть, – заверяю его я. – Проблем не должно быть.

– Ты разрушила мои мечты.

Я хихикаю.

– Зачем тебе смотреть на грудь? Разве не будет лучше, если расстегнутся брюки моего кузена Энди?

Энди – брат-близнец Брэнди. Без шуток. Сестра моей мамы – тетя Вал – совершенно не умеет называть детей. Младшего брата Энди и Брэнди зовут Чак. Это не сокращенно от «Чарли». Просто Чак.

– Он почти такой же парень мечты, как Джейми.

– Фу, Дайс. Тебе *нельзя* пускать слюни по моему младшему брату.

– Ты права. Сейчас уже нельзя. Я упустил свой шанс. *Поверить* не могу, что Джейми женится на мужчине. Вселенная сейчас как будто смеется надо мной. Если бы я думал, что есть хотя бы вероятность, что Джейми переметнется на темную сторону, я бы вдул ему в раздевалке в старшей школе, пока был шанс.

– Боже мой, я не хочу это представлять.

– У меня разбито сердце, Джесс. Это даже хуже, чем открывать сайт знакомств для геев и видеть там парней, которые запикивали меня в шкафчики. Джейми был одним из лучших. И он женится на знаменитом спортсмене. Он должен был жениться на мне.

Я делаю глоток чая и издаю глубокий выдох.

– Ты сможешь завтра сдерживать свое разочарование? Потому что мне очень нужна помощь.

– Конечно. – Он шмыгает носом. – Может, я поймаю букет.

Букета не будет, но ему пока необязательно это знать. Я перехожу на страницу ежедневника, где делаю последние заметки о свадьбе.

– Мне нужно, чтобы ты сел завтра на стороне гостей Уэса. Там будут все его товарищи по команде, но не уверена, что их хватит, чтобы уравновесить сторону Каннинггов.

– Детка, ты подкупила меня на фразе «товарищи по команде». Пожалуйста, скажи, что там будет мало стульев и придется сесть кому-то на колени.

– Ты хочешь попробовать сесть на колени хоккеисту? Тебя волнуют собственные зубы? Если нет, вперед.

До моих ушей доносится смех.

– Я подставлюсь под удар не раздумывая, если это значит, что я пересплю с хоккеистом. Ты же знаешь, стать шайбовым кроликом⁸ всегда было моей целью.

«Поверь мне, это переоценено», – хочу возразить я, но вместо этого говорю:

– У Уэса замечательные товарищи по команде, но я не заставляла всех гостей заполнять опросник с формулировкой «Спокойно отношусь к гейским штукам».

А Дайсон из всех моих знакомых флиртует больше всех. Готова поспорить, что он делает это даже сам с собой перед зеркалом, когда один дома.

– Я буду джентльменом, – обещает Дайсон.

– Спасибо.

Несколько мгновений спустя мы заканчиваем разговор, и я быстро прохожусь по оставшемуся списку. Если появятся священнослужительница и повар, взятые мной на прокат столы и стулья, то шоу сможет продолжиться. Но я не буду удовлетворена простым «хорошо». Все должно быть *идеально*, чтобы люди говорили о свадьбе неделями.

Как только я убеждаюсь, что охватила каждую деталь, то допиваю чай, ставлю кружку в раковину на кухне и прохожусь по квартире, выключая свет. У меня плохая привычка везде оставлять свет включенным. Когда я была в старшей школе, папа брал процент от денег, которые я получала, работая на полставки в кафе-мороженом, чтобы оплачивать счета за электричество. Он утверждает, что это я была виновата в огромных расходах. Считаю это чушью, но не могу отрицать, что выключать свет получается у меня хреново.

Голые стопы шлепают по деревянному полу, когда я вхожу в спальню. Я нервничаю из-за завтрашнего дня. У Джейми будет потрясающая семейная жизнь. Я никогда не встречала людей, которые бы так идеально подходили друг другу. Даже у Тамми и ее мужа Джона нет такой глубокой, плотно сотканной связи, которая есть у брата с Уэсом.

⁸ Puck Bunny – хоккейный(–ая) фанат(–ка), чей интерес к этому спорту мотивирован больше сексуальным влечением к игрокам, чем удовольствием от самой игры.

Интересно, на что это похоже? Любить другого человека так сильно, что он становится частью тебя. Я думала, что влюблялась раньше, но иногда, когда я смотрю на брата с Уэсом, то ставлю под сомнение все, что когда-либо чувствовала в прошлом.

Вздыхая, я заползаю под одеяло и отбрасываю все мысли. Надо немного поспать. Завтра будет сложный день.

Как только я закрываю глаза, тишину в квартире разрывает громкий удар.

Проходит секунда, прежде чем я понимаю, что кто-то стучит в дверь. Подскакиваю в кровати и включаю лампу на журнальном столике. Время почти час ночи.

– Малышка Джей! Эй! Открой!

Какого *черта* у меня за дверью стоит Блейк?

Я откидываю одеяло и бегу в прихожую. Ей-богу, если он пришел сказать мне, что Джейми и Уэса арестовали из-за чего-то, случившегося на мальчишнике, то я его *убью*.

Раздается еще один удар в дверь.

– Ну же, Джесс! Я устал. Если не получу нужную мне дозу прекрасного сна, я...

Он замолкает, когда я распахиваю дверь. Его рот растягивается в счастливой улыбке, но она превращается в усмешку, когда он замечает мою пижаму.

– Вот блин, это охрененно мило. Обожаю бананы – я говорил тебе, что это мой любимый фрукт? И абрикосы. Абрикосы мне тоже нравятся.

Я буквально в секундах от того, чтобы его задушить. Да, мои неоновро-розовые пижамные штаны и топ покрыты желтыми мультяшными бананами. Но сейчас час ночи, он явно пьян, судя по блеску в его зеленых глазах, и он стоит у моей двери, болтая о фруктах?

– Что. Ты. Тут. Делаешь? – Каждое слово отделено хлопком моей ладони по косяку двери. Блейк еще ближе подходит со спортивной сумкой, перекинутой через плечо.

– Твоя мама тебе не сказала? Я сегодня перекантуюсь здесь.

У меня отвисает челюсть.

– О нет.

– О да. – Он с грохотом опускает сумку на крыльцо. – Мой братан Синди сказала, что все с тобой обговорила.

– Моя мать – не братан, – выдавливаю я.

Он машет большой ладонью.

– Оборот речи. «Мой *товарищ* Синди» – как тебе такое? Он сказала, что написала тебе.

Я колеблюсь. Ладно, вообще-то это возможно. После ужина на телефоне было около двух десятков сообщений, в основном от повара и некоторых гостей, задающих вопросы в последнюю минуту. Я не просмотрела их все, поэтому, наверно, могла пропустить сообщение от мамы.

И все же.

– Уэс сказал, что ты остановился в гостинице с товарищами по команде, – с подозрением замечаю я.

Блейк проводит рукой по своим потрепанным темным волосам.

– Так и было. Но мне пришлось отдать свой номер.

– Для кого? – спрашиваю я.

– Мне кажется, правильное «кому».

Он серьезно исправляет грамматические ошибки?

– И номер я отдал своей спутнице.

Не могу объяснить, почему при этих словах у меня в груди все сжалось, но я *точно* уверена: это не ревность. Я уже знала, что Блейк придет на свадьбу с кем-то, в его приглашении стояло «плюс один». К тому же я тоже буду со спутником. Я специально об этом позаботилась, потому что не хотела терпеть раздражающие комментарии Блейка.

– Она не хочет делить с тобой номер? Что, ждет заключения брака? – Я не утруждаю себя тем, чтобы скрыть сарказм.

Блейк пожимает плечами.

– Она уже замужем.

Простите?

Я не знаю, возмущаться мне или... ну, возмущаться. Он приводит замужнюю женщину на свадьбу моего младшего брата?

– У тебя поехала крыша?

Он задумывается над вопросом.

– Я вроде пьяный, но далек от этого. Для этого нужно больше скотча. У тебя есть?

– Нет! – визжу я, и давление подскакивает до красной зоны. Время – час ночи, и прямо сейчас я должна спать.

Поэтому я делаю то, чему научилась, живя с пятью братьями и сестрами, чтобы сдерживать порыв к убийству. Я считаю про себя. *Одна Миссисипи, две Миссисипи, три Миссисипи...*

После довольно большого количества глубоких, очищающих вдохов я делаю то, что необходимо.

– Заходи уже. – Я отступаю в сторону, и Блейк марширует внутрь. – Спишь на диване.

– Он раскладывается?

– Ответ отрицательный. Но ты переживешь.

На его лице отражается сомнение, но у меня нет времени, чтобы этим озаботиться. Я спешу к буфету и вытаскиваю стопку постельного белья. Сейчас в Калифорнии лето – ничего, кроме этого, ему не понадобится.

Я сую ему эту кучу.

– Хороших снов.

Он смотрит на белье в руках, а потом обратно на меня.

– Стой, не уходи, – говорит он, когда я поворачиваюсь к двери. – Ты меня не уложишь?

– Ты большой мальчик.

Его ухмылка становится озорной.

– Это точно. Я ведь забываем, могу прямо сейчас повторить. – Он роняет постельное белье на диван и тянется к ширинке.

Для меня это намек, что надо выметаться отсюда. Я врываюсь в спальню и хлопаю дверь.

Мне снятся странные, изматывающие сны про организацию праздников. Будто свадебный торт не привозят и мать решает в последнюю минуту его испечь. Мы начинаем спорить, подойдет ли крупа из семи злаков (моя мать знаменита своей полезной выпечкой, которая имеет переменный успех). В другом сне идет дождь, и арендованный шатер распадается на белые хлопья, как промокшая туалетная бумага.

Потом все становится совсем странным. Мне снится, что в кровати гризли, и я даже не возражаю. А потом видение становится эротическим. Туловище медведя теплое и твердое, его претенциозная эрекция упирается мне в зад, и он прикасается к моим соскам...

Я распахиваю глаза. В кровати *правда* гризли. Он прижался к моей спине, обхватив толстой мускулистой рукой за талию и накрыв ладонью правую грудь.

Мать Божья. Блейк Райли обнимает меня, не спросив разрешения. И, кажется, мне это нравится.

Нет!

Нет, мне это не нравится.

Тихо вздохнув, я пытаюсь придумать план. Он крепко спит, храп в моем ухе – отличная подсказка. Я медленно сдвигаю стопу к краю кровати, а потом полностью выскальзываю из его хватки в маневре, которым гордился бы мой тренер по йоге.

Когда я встаю на ноги сбоку у кровати, мужчина спокойно храпит: его незаслуженно красивое лицо разглажено во сне, а непослушные каштановые волосы разметались в разные стороны на подушке.

Я на цыпочках иду в ванную и закрываю дверь так осторожно, что даже не слышно щелчка. Застыв на секунду, пытаюсь собраться с мыслями. Сегодня свадьба брата, которую полностью организовала я, вплоть до приглашений, списка гостей, торта и кофе после десерта. Все должно пройти безукоризненно. Моя семья только и ждет, чтобы я провалилась.

А мне только что привиделся сон о безумно привлекательном мужчине, спящем у меня в кровати.

Душ ведь поможет, да? Я поворачиваю кран, сбрасываю с себя пижаму с бананами и запрыгиваю под воду. Мою волосы и использую лучший кондиционер, потому что не хочу, чтобы на фотографиях я потом была с непослушными кудрями. Чувствуя себя лучше, я выключаю воду и оборачиваю полотенце вокруг тела.

Стараясь быть абсолютно бесшумной, я медленно открываю дверь ванной...

И вижу, когда вижу по другую сторону Блейка. В чем мать родила.

– А-а-а! – реагирует он, накрывая своими большими лапами уши. – Моя голова.

Хочу дать остроумный ответ. Типа: «Мои глаза!» Но ничего не получается, потому что язык внезапно становится на три размера больше, когда я смотрю на все великолепие обнаженного Райли. Его плечи – как мускулистые горы, грудные мышцы – идеальные дюны. Хочу изучить их своим языком, но, вообще-то, я уверена, что уже это делала.

– Мне надо воспользоваться ванной, милая. Может, поднимешь челюсть с пола и дашь пройти?

Эта реплика приводит меня в сознание.

– Ты когда-нибудь слышал об одежде?

– Ты все это уже увидела. – Он кладет ладонь мне на плечо и отодвигает в сторону. – Серьезно, милая, я знаю, что ты наслаждаешься видом, но мне надо опорожнить мочевого пузыря.

Однако глаза мне больше не подчиняются, потому что взгляд спускается по его руке к тому месту, где он обхватил огромный...

Блин!

Устремившись в спальню, я сдергиваю с крючка купальный халат и торопливо завязываю пояс. На двойной узел. На всякий случай.

– Почему ты лежал на моей кровати? – ворчу я в сторону двери ванной.

– Диван был слишком маленький.

– Это не дает тебе права прыгать в мою постель!

– Ты разрешила поспать здесь, когда я вошел и спросил, – возражает он. – И ты любишь обниматься, малышка Джей. Я как будто спал с осьминогом.

Эх. Предана своим подсознанием.

Схватив расческу, я начинаю возиться с волосами. Мне надо их высушить и уложить. Затем накраситься, одеться, встретиться с поставщиками еды, посмотреть на торт. И сделать еще сотню других вещей.

Я беру фен как раз в тот момент, когда теплое твердое тело подкрадывается ко мне сзади.

– Знаешь, – произносит мужчина низким голосом, пока теплая ладонь сжимает мое плечо. – Мы успеем покормить кошечку, прежде чем оденемся к празднику.

Он так близко, что часть меня покрывается мурашками, несмотря на злость.

– Блейк, – почти шепчу я.

– Да? – выдыхает он у меня возле уха.

– У меня нет кошки.

Он сексуально урчит и проводит большим пальцем вниз по моей руке. И вот тогда я понимаю, что означает «покормить кошечку»...

– Мы не будем кормить кошечку, или прятать салями, или как еще взбредет тебе в голову это называть. В эти выходные ничего не повторится.

Он зарывается рукой в мои мокрые волосы и накрывает затылок, проводя длинными пальцами по коже головы. Тело предательски реагирует.

– Никогда не говори «никогда», малышка Джей.

Я не могу контролировать дрожь, которая возникает, когда он убирает руки.

– Разве тебе не надо идти к своей *спутнице*? – напоминаю я нам обоим.

– Заберу ее перед церемонией. Я хотел сначала помочь тебе с делами.

– Seriously?

Его слова привлекли мое внимание. Я оборачиваюсь, потому что должна понять, шутит он или нет. Мне нужна любая помощь, которую я только могу получить.

– Конечно. Я взял напрокат машину и уже достаточно протрезвел, чтобы сесть за руль. Нам придется заскочить в бар, у которого я вчера ее оставил. У тебя куча дел, которые надо уладить в последнюю минуту, да?

Всего лишь миллион. Я прокручиваю в голове список.

– Шарик, – быстро отзываюсь я. – Я заказала четыре дюжины на одиннадцать часов, чтобы они не сдулись до конца вечера. – Блейку надо будет только сунуть их в машину и увезти. Облажаться негде. – И надо забрать бабушку из аэропорта.

Его губы растягиваются в улыбке.

– Видишь? Тебе нужна моя помощь.

– Ты прав, нужна. – Хотя признавать это больно. – Но... ты просто оставишь спутницу на несколько часов? Она не обидится?

– Ни капли – наверное, даже обрадуется.

Я подавляю желание это прокомментировать.

– Почему бы тебе не совершить набег на холодильник, пока я сушу волосы, а потом я отвезу тебя к машине?

– Вот это я понимаю! – Он делает большой шаг в сторону кухни, напрягая мышцы на своей прекрасной...

– Блейк?

– Малышка Джей?

– Надень хоть что-то.

Он вздыхает.

– Если ты настаиваешь.

Все выглядит потрясающе

Джесс

Церемония и банкет проходят на лужайке у прекрасного дома, принадлежащего друзьям моих родителей. Изначально мы собирались арендовать какой-нибудь банкетный зал. Однако несколько месяцев назад мама обедала с Тоддами. Когда она упомянула, что Джейми женится, пара предложила воспользоваться их домом.

И они отказались брать деньги. Вероятно, мистер Тодд – хоккейный фанат. Он даже пытался заплатить *нам* за привилегию принимать у себя Райана Уэсли и больше половины членов клуба Торонто.

Свадьба в частном доме позволяет остаться незамеченными. Публичное событие, вне всякого сомнения, просочилось бы в прессу, которая преследует Уэса и Джейми с момента обнародования их отношений. А так у них обоих будет немного личного пространства, пока они будут провозглашать бессмертную любовь друг к другу.

Вот только все утро нахожусь на грани нервного срыва. Я решила стать организатором праздников, потому что хотела делать что-то творческое. Но все сложилось по-другому. Я, скорее, сержант-инструктор. Это изнурительно.

Это я и говорю Дайсону, пока мы сидим под огромным шатром, расставленным на газоне Тоддов. Мы складываем салфетки цвета слоновой кости у одного из столиков, пока все носятся в суматохе, перетаскивая стулья, цветы и украшения.

– Ну не знаю, – задумчиво отвечает он. – *Мне* весело.

– Ты пробыл тут всего час, складывая из салфеток лебедей. А я с рассвета разбираюсь с миллионом крошечных мелочей. Поверь, это невесело.

Дайсон пожимает плечами.

– Ты проделала шикарную работу, пупсик. Без шуток. – Он обводит рукой внутреннее оформление шатра. – Все выглядит потрясающе.

Это и правда помогает. Во мне трепещет облегчение, пока я оглядываюсь. Украшения для столов и букеты получились элегантными. Похоже, тридцать два часа, которые я потратила на консультации с флористом, себя окупили.

– Спасибо, – с благодарностью говорю я, принимаясь за очередную салфетку. – И спасибо еще раз, что пришел пораньше. Не представляешь, как сильно я это ценю.

– Нет проблем. – Собеседник усмехается. – Хотя ты и позвала меня, чтобы заставить кого-то ревновать.

У меня отвисает челюсть.

– Нет! Я же говорила: мне просто нужен кто-то в пару.

– Кто-то в пару, разжигатель ревности – какая разница? Скорее бы увидеть, кто это. Не говори мне, хочу сам догадаться. – Он смахивает ворсинки от салфеток с галстука. – Слушай, как тебе этот цвет? Я выбирал между ним и цветом лосося. Это правильный выбор?

Дайсон приподнимает конец фиолетово-серебряного полосатого галстука. Он идеально сочетается с колокольчиком на лацкане темно-серого костюма. Я переживала, что он может появиться в пастельных цветах.

– Точно правильный выбор, – заверяю его.

– Как бы я ни обожал яркие цвета, они бы не сочетались с платьем. – Он показывает на мою сиреневую одежду. И хмурится. – Я все еще считаю, что мы могли бы произвести больший фурор, если бы надели лососевый.

– Пожалуйста, можешь называть его розовым? И давай начистоту, Дайс: в нем ты выглядишь ужасно. Он вымывает весь цвет с твоего лица.

Прежде чем он успевает возразить, у входа в шатер слышится измотанный голос:

– Джесс! Мама спрашивает о бабуле. – К нашему столу подбегает Тамми. – Кто заберет ее из аэропорта?

– Шафер, – отвечаю я. – Он написал десять минут назад, что рейс немного задержали. Но она приземлится с минуты на минуту.

Сестра расслабляется.

– Ладно. Мама начинала волноваться. Привет, Дайсон, когда ты тут появился?

– Недавно, – рассеянно отвечает он, рассматривая лицо Тамми. – У тебя все в порядке, дорогая? Выглядишь уставшей.

– Я родила четырнадцать недель назад. Конечно, я уставшая.

Почему-то Дайсона это не успокаивает. Он кладет салфетку и вскакивает на ноги. Тамми испуганно отступает на шаг назад.

– Ты бледная. – Он сжимает ее ладони. – Руки ледяные. Ногти немного ломкие. Детка, ты заботаешься о себе? Возможно, у тебя легкая анемия. В питании достаточно железа?

– В каком еще питании? – Тамми вздыхает. – Тай повсюду бродит, а Лилак ночами визжит от колик, как банши. Я дышать еле успеваю, не то что есть.

Я тоже вскакиваю на ноги. Для меня не было секретом, что Тамми вымотана, но сестра всегда ведет себя будто супергерой. «У меня все под контролем», – всегда говорит она нам.

– Почему ты не сказала? – встревоженно спрашиваю я. – Ты же знаешь, что мы бы в мгновение ока приехали помочь.

Тамми медленно высвобождает ладони из хватки Дайсона.

– Все хорошо, – настаивает она. – Я мама двоих детей – конечно, жизнь будет изматывающей. – Она глядит на Дайсона. – Но я запишусь к врачу и сдам анализ крови, если тебе от этого станет легче.

Он закатывает глаза, но мягко говорит:

– Речь не о том, чтобы стало легче *мне*, дорогая. Речь о том, чтобы убедиться, что ты сильная и здоровая, ради тебя и детей.

– Я запишусь, – бормочет она, и в ее глазах проскальзывает чувство вины. Она устремляется прочь, и подол ее светло-желтого платья закручивается вокруг ног.

– Поверить не могу, что ты только что убедил ее сходить к врачу. – Я с изумлением смотрю на Дайсона. – Тамми *никогда* не признает, что что-то не так.

– Я медбрат. Это наделяет меня магическими способностями. – Он выгибает бровь, подчеркивая свой авторитет, и возвращается к складыванию лебедя.

Я медлю, прежде чем сесть. Я долго откладывала этот разговор, но сейчас, похоже, идеальный момент. Это одна из причин, почему я пригласила на свадьбу Дайсона, а не кого-то другого из моих друзей-мужчин.

– У меня вопрос, – медленно начинаю я.

Он смеется.

– А у меня – ответы. Много. Например, ответ на вопрос: «Надо ли нам было одеться в лососевый?» Очевидно, да, черт возьми.

Я выдавливаю улыбку.

– Вопрос поважнее, – признаюсь я. – И ты должен пообещать быть со мной на сто процентов честным, ладно?

Смешинки в его глазах исчезают.

– Хорошо. Давай.

– Как думаешь... – Я делаю вдох... – Из меня вышла бы хорошая медсестра?

На секунду воцаряется молчание, и мне этого хватает, чтобы попятиться назад. Лихорадочно, будто я в байдарке, которая подплыла слишком близко к водопаду.

– Забудь, – выпаливаю я, снова взявшись за складывание. – Не отвечай. Это был тупой вопрос. Я не знаю, почему вообще задумалась...

Твердая ладонь сжимает мою руку, прерывая нервные движения.

– Тише, пупсик. Ты застала меня врасплох. Мне кажется, из тебя вышла бы великолепная медсестра.

Я закусываю губу и встречаюсь с ним взглядом.

– Правда?

– Абсолютно. А что? Ты хочешь поступить в медшколу?

Помедлив еще секунду, я вяло киваю.

– Я начала задумываться об этом после того, как Джейми весной оказался в больнице, – признаюсь я. – Я же говорила о медсестре, которая за ним ухаживала? О Берте? Я пару раз пила с ней кофе в больнице, когда была в Торонто, и она ввела меня в курс дела.

– Ого. То есть это не что-то случайное. Ты всерьез. – Дайсон отпускает мою ладонь и возвращается к складыванию салфеток. – Куда ты хочешь поступить? В Сан-Франциско?

Я качаю головой.

– Я изучаю все варианты. Ты не поверишь, как дорого сейчас выучиться на медсестру.

Он фыркает.

– О, я поверю. Думаешь, фея студенческих кредитов просто спустилась с денежного дерева и выплатила все мои долги? Подумай еще раз, пирожочек. Трудно выглядеть *настолько* хорошо, когда ты *настолько* на мели.

Я не могу сдержать смех. Дайсон один из самых стильных, самых увлеченных модой парней, которых я только знаю. Но я понятия не имела, что он до сих пор погребен под горой долгов.

У меня такая же ситуация, но я, по крайней мере, должна деньги не правительству. В обучение в колледже вложились родители. И они покрыли расходы моего провалившегося ювелирного бизнеса, заплатили за визитки нового предприятия по организации праздников. Крайнего срока, когда я должна им все вернуть, у меня нет, но каждый раз, когда я принимаю очередную подачку, это сильно бьет по моей независимости.

Не говоря уже о самооценке.

Блин. Неудивительно, что семья считает, что я – неудачница. Бакалаврская степень по истории искусств должна была меня освободить, но в итоге стала камнем на шее. Она не открыла передо мной двери, не дала ни единого предложения о работе. Должность в музее или академии требует больше, нужна степень магистра или доктора наук, а я не могу позволить себе вернуться к учебе на еще одну сотню лет.

К тому же в последнее время я стала сомневаться, в творческой ли сфере мое место. Я пробовала и проваливалась множество раз. Но уход за больными... Это кажется правильным, словно так и должно быть. Это ощущение пришло ко мне впервые в жизни.

– Ты рассматривала какую-нибудь канадскую школу? – спрашивает Дайсон.

– Нет, а что?

– Там дешевле. Я не знал об этом, когда поступал, но некоторые медсестры, с которыми я работаю, учились в Ванкувере, чтобы сэкономить.

Я делаю в уме заметку изучить этот вопрос.

– И слушай, – внезапно говорит он, – если ты серьезно, то я с превеликим удовольствием все тебе расскажу. Про хорошее, про плохое и про отвратительные судна.

Я хихикаю.

– Серьезно, детка, эта работа иногда может быть мерзкой. Но она и супер-пупер полезная. Это лучшее решение, которое я... О Господи Иисусе из Назарета, что *это*?

Моя голова поворачивается к противоположному концу шатра, и я тут же издаю сдавленный крик.

Вот *черт*.

Мы номер один. Или два

Блейк

Боже. Тусовка будет отличной. Мне нравится, что я вижу, пока несу две связки воздушных шаров по покатоному газону. Столы для закусок выставлены в длинный ряд, что потом обеспечит хороший доступ к жратве. А какие-то чуваки в белых рубашках и черных жилетках выставляют то, что не может быть ничем иным, как щедрым баром.

– Смотрите, – говорю я бабушке Каннинг. – Они раскладывают танцпол прямо на газоне.

– Уверена, тебе нравится буги. – Она с трудом растягивает губы в улыбке. – Я приберегу танец для *тебя*, красавчик.

– Потрясающе. Подождите тут. – Я отвожу ее к красивому плетеному креслу, откуда можно наблюдать за всем, что происходит на лужайке. – Мне надо отнести этих деток.

– А мой багаж? – спрашивает она. – По-моему, я оставила его в машине. – Она прикрывает ладонью рот, чтобы спрятать легкую отрыжку.

– Я о нем позабочусь. Не переживайте.

– Спасибо, сладкий! – говорит она, когда я иду прочь.

Девчонки. Никогда от меня не отстают.

– БЛЕЙК РАЙЛИ!

Воздух пререзает визг – такой же высокий, как свисток для отпугивания собак.

– Привет, малышка Джей! Я привез шары и бабушку. Что дальше в списке?

Она шагает по газону своими длинными ногами, и ее мягкие волосы струятся по плечам с красивым загаром. Джессика Каннинг – воплощение сексуальности в платье без рукавов и с безупречными розовыми губами.

Почему-то ее лицо слегка покраснело. Но, слушайте, никто не идеален.

– Что это, черт побери, такое? – Она показывает в воздух.

Я смотрю вверх.

– Знаешь, теперь мне тоже кажется, что облако похоже на верблюда.

– Нет, это! – Она указывает пальцем ближе к моей голове.

– Шары, ясен пень. – Я их обожаю. – Те белые, которые ты заказала, вживую оказались совсем скучными. Ты бы их видела. Просто... белизна на белых лентах. Поэтому я их немного приукрасил. Так поспортивнее, понимаешь? Разве они не идеальны? – Я купил пятьдесят фольгированных шаров в форме больших пенопластовых пальцев, которые бывают на хоккейных матчах. – Это спортивная свадьба. Я видел те шоколадки в форме шайбы, которые ты заказала, и свадебный сайт с хоккейной тематикой. Так что эти шары отлично впишутся.

Они ярко-синие, и у них на самих пальцах написано «МЫ № 1».

– Н-ну уж нет, – бормочет она. – Ни за что, твою мать.

– Выражения, Джессика! – наставляет Синди Каннинг, приближаясь к нам с Джесс. – Что случилось, милая?

– Я заказывала другие шары. – Она обиженно выпятила розовую губу, и мне хочется ее укусить. Но сейчас не лучшее время.

– Ну, они же блестящие, – говорит Синди. – Они подойдут, милая. Давай не будем нервничать. – Женщина показывает на свекровь. – Спасибо, что забрал нашу бабулю из аэропорта, Блейк.

– Не стоит. Мы там немного перепугались, когда авиакомпания не смогла найти ее багаж, но я ее успокоил. Я в этом хорош. Да, баба Канн? – зову ее я через плечо.

– Все хорошо! – кричит бабушка. – Привет, Синди! Дай мне посмотреть на твое платье. Кружево, милая? Сразу видно, что ты мать жениха. – Она хохочет.

У Синди взлетают брови.

– Блейк, моя свекровь случайно не пила?

– Ну, она очень нервничала. Я купил пару стаканов пива, пока ребята из авиакомпании бежали и искали багаж.

– О боже, – ужасается Синди, направляясь к бабушке.

Мы с Джесс остаемся одни, и она смотрит на меня, словно хочет разорвать мою одежду. Или просто что-то порвать. Не уверен, что именно.

– Эти синие пальцы *не* подходят, – шипит она низко и грозно. – Где оставшиеся белые?

Я пожимаю плечами.

– Они стали ненужными, поэтому я отдал их мальчишке, который праздновал день рождения. Боже, он был в восторге. Сказал, что попробует ту штуку, когда ты их держишь все сразу и прыгиваешь с крыши гаража.

– Ты *отдал* мои шары? – Джесс бледнеет.

Вот черт. У той Джесс, с которой я познакомился весной в Торонто, был озорной смех и искра в глазах. Я думал, что она посчитает эти шары смешными. Но бедная девочка просто не может оценить шутку, и это моя вина. Я должен был знать, что нельзя вмешиваться в составленную женщиной цветовую схему. Мои сестры кастрировали бы меня и за меньшее.

– Не сердись, Джесси. Я вернусь в магазин.

– Их можно купить только по предзаказу за 24 часа, – шепчет она, краснея все сильнее.

Я начинаю за нее беспокоиться. И, видимо, не я один, потому что стройный парень с волной идеально уложенных волос подбегает к нам и начинает обмахивать ее рукой.

– Дыши, пирожочек. Сделай для меня несколько глубоких вдохов, как в йоге. Обморок помнет платье, а мы не можем этого допустить.

– Если меня посадят в тюрьму за убийство, ты будешь меня навещать?

– Да, детка, – воркует парень, целуя ее в щеку. – Особенно если комбинезоны там будут лососевыми. – Парень протягивает мне руку, но смеется, когда понимает, что я не могу ее пожать, потому что держу где-то под сотню шаров.

– Блейк Райли, – представляюсь я.

– Дайсон Харт.

– «Дайсон» как пылесос?

– Точно. – Он искоса на меня смотрит. – Хочешь, покажу?

– Дайсон, – одергивает его Джесс. – О чем мы говорили?

Парень хмыкает.

– Блейк, это Дайсон. Мой парень.

Дайсон снова хмыкает, и она толкает его локтем. Он протягивает руку.

– Рад познакомиться, дорогой.

Джесс вздыхает.

– Итак, у нас в два раза меньше белых шаров, чем требуется. Придется обойтись этим.

– А что с этими синими малышами? – Я смотрю, как они сверкают на солнце.

– Их можно повесить... у туалетных кабинок, – ворчит она.

– Ладно. – Если это ее подбодрит, я только за. – Тогда жалко, что на некоторых из них не написано «Мы Номер Два».

Дайсон издает громкий хохот и поднимает ладонь, а я пытаюсь дать ему «пять». Но мы запутываемся в лентах шаров, и Джесс приходится нас освобождать. Она делает это, не переставая бубнить, что со мной очень сложно и она больше никогда не будет организовывать свадьбу до конца своей жизни.

Естественно, позже придется ее успокоить и пожалеть. Столько стресса никому не приносило пользы.

Джесс

– Итак, расскажи о *Блейке*, – требует Дайсон, облизывая губы. – Почему мы стараемся заставить его ревновать?

– Нет, не стараемся, – огрызаюсь я. – Ты просто моя пара.

– Ага, – говорит он, подмигивая. – Я бы стал парой для Блейка.

Я крепко сжимаю зубы, сдерживая желание во всем ему признаться. Но от катастрофы меня спасает появление жениха.

– Ого, вы только посмотрите.

Джейми так красив в костюме и галстук, что мне приходится сдерживаться, чтобы не подбежать к нему и не взъерошить его волосы. На загорелом лице улыбка, и теперь я знаю, ради чего надрывала задницу все эти недели.

– Ты выглядишь потрясающе. – Я чувствую в горле комок. – Уэс – счастливчик. Надеюсь, он это знает.

Джейми ухмыляется.

– Знает. Привет, Дайсон. Как ты? – Брат протягивает руку Дайсону для рукопожатия.

Мой друг секунду медлит с обреченным взглядом. А потом заключает ошарашенного Джейми в крепкие объятия.

– Я так счастлив за тебя, – дрожащим голосом говорит он.

Джейми озадаченно смотрит на меня поверх головы Дайсона.

– Спасибо, чувак. Я очень благодарен.

Дайсон отпускает его с нервным вдохом.

– Я просто... пойду припудрю носик, – бормочет он и направляется к дому.

– С ним все в порядке? – спрашивает Джейми, показывая через плечо на моего сумасшедшего друга.

– Я подойду к нему через минуту. А пока... тебе что-то нужно? Гости начнут приезжать через час. Уэс здесь? Он одет? Надо проверить музыкантов.

Джейми кладет руки мне на плечи и смотрит прямо в глаза.

– Успокойся. Ты меня напрягаешь.

– Да?

Он снова широко улыбается.

– Ты проделала великолепную работу, Джесси. Праздник будет потрясающим. Меню шикарное.

У нас будет барбекю: грудинка и ребрышки, кукурузный салат, отдельно два вида капусты.

– А те шары у туалетов – это нечто.

Вздых.

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив. Поэтому перестань нервничать и выпей бокал вина или еще чего-то, ладно? Ты этого заслуживаешь. – Он еще раз обнимает меня и уходит, чтобы поздороваться с бабушкой. Ее как раз пересадили в тень и обеспечили чашкой крепкого кофе.

Точно, мне надо успокоиться. И я сделаю это, как только проверю музыкантов. Джейми прав: я так напряжена из-за свадьбы, что почти не узнаю себя. Я понимаю, что должна расслабиться, но, похоже, не в состоянии этого сделать. Слишком важно, чтобы семья думала, что я справилась не хуже любого другого. Они считают меня тяжелым случаем. Но сейчас нако-

нец-то знаю, что должна делать со своей жизнью. И когда я расскажу им об этом после свадьбы, они все равно закатят глаза.

Девяносто минут спустя я все еще в полном раздрае, но это не моя вина. Пара сотен гостей, включая некоторых прославленных спортсменов НХЛ, сидят на деревянных стульях, выставленных в аккуратные ряды на лужайке. Мои старшие братья только что закончили усаживать бабулю и остальных братьев и сестер в первый ряд.

Сзади, в шатре, я стою с женихами и родителями. Музыканты играют первые нисходящие аккорды Канона Пахельбеля на электровиолончели и электрогитаре.

Пора выходить. Но остается одна проблема. Шафер Уэса *исчез*.

Это кошмарно и предсказуемо одновременно. В перерыве между кровожадными мыслями я сжимаю потными ладонями букет маргариток. Если Блейк сейчас все-таки появится, я швырну цветы ему в лицо. В голове, не переставая, крутится: «Ну где он? Ну где он? Ну где он?» и «Ну почему я?».

Джейми рядом поправляет воротник Уэса и берет жениха за подбородок.

– Ты выглядишь потрясающе. Ты же это знаешь, да?

Уэс застенчиво ему улыбается и делает глубокий вдох. Он явно нервничает, бедный малыш. Уэсу нравится всеобщее внимание, только когда у него в руке клюшка.

– Все хорошо, – отвечает он хрипло. – Жду не дождусь, когда женюсь на тебе.

– Завтра мы будем на пути к пляжу, – шепчет Джейми.

– И этого я тоже жду не дождусь, – соглашается Уэс.

– Наш малыш женится, – со вздохом говорит мать. – То есть мы официально стали старыми?

– Если и стали, не говори мне, – ворчит отец.

Я в сотый раз поворачиваю голову в поисках козла, который должен повести меня к алтарю. И, подумать только, он стоит всего в пятидесяти метрах от нас, разговаривая с женщиной средних лет в бежевом платье.

У меня подсакивает давление. Разве он *не видит*, что его ждут две сотни людей? Я уже готова стащить его вниз, когда он наконец-то начинает двигаться в нашу сторону.

Облегчение похоже на ощущение прохладного бриза на лице. Он выставляет руку, и женщина держится за нее. Они спускаются к тому месту, где мы стоим. Когда остается всего несколько шагов, я открываю рот, готовая накинуться на Блейка. Но Уэс оборачивается, замирает и говорит последнее, что я ожидала от него услышать:

– Мама!

Мы все целую секунду с изумлением смотрим на новоприбывшую. У нее с Уэсом один и тот же цветотип. Каштановые волосы и привлекательные черты. Но парень выглядит немного устрашающе, а эта женщина словно изготовлена из модных деталей. У нее элегантное платье, а шею обрамляет нить идеального жемчуга.

– Здравствуй, Райан, – тихо говорит она. – Надеюсь, ты не против, что я пришла. – У нее слегка блестят глаза, когда она смотрит на него. – Ты выглядишь утонченно, дорогой.

Он открывает рот и закрывает обратно. И открывает еще раз.

– Где ты оставила папу?

Она приподнимает подбородок, и это выглядит вызывающе.

– Он уехал на выходные в Уэст-Палм играть в гольф.

– А, – Уэс бледнеет, – ты не сказала, что приедешь сюда, так ведь?

Она медленно качает головой.

Уэс глубоко вдыхает.

– Хорошо. Ладно. Это Джейми... – Он кладет ладонь на руку моего брата. – Синди, Ричард и Джесс.

– Мы *так* рады, что вы смогли приехать, – восторгается моя мать. – Может, немного изменим нашу процессию? Не хотите повести сына к алтарю?

Оба Уэсли одновременно качают головой.

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Я счастлива просто быть здесь.

Уэс прочищает горло.

– Мам, поговорим потом. Нам надо, эм, начинать, пока у Джесс не сдали нервы.

– Давай найдем тебе место, Энг, – говорит Блейк, подавая руку. Она берется за нее, и они медленно уходят прочь, пока мужчина не показывает на свободное место впереди и не подводит ее к нему.

Мы пристально смотрим им вслед.

– Ого, – шепчет Джейми, когда она садится.

У меня в голове это же слово. Я последние три месяца страдала, что семья Уэса не появится на свадьбе. Заставляла мать звонить семье Уэсли в Бостоне, но нам никогда не отвечали. Я написала письмо, которое проигнорировали. А Блейк Райли просто приходит с миссис Уэсли и усаживает ее на стул. Не-мать-его-вероятно.

– Так! – гремит Блейк, вернувшись к нам. – Давайте начинать! Подай им знак, малышка Джей!

Он, конечно же, прав. Музыканты играют Пахельбеля дольше, чем он жил. Я привлекаю внимание священнослужительницы, и она изящно поднимается на подиум. Мелодия плавно сменяется на пьесу Баха. Брат настаивал, что свадебный марш только для девушек.

Мой отец приобнимает Джейми.

– Выстроимся как надо, да?

Джейми кивает, и они вдвоем выходят из шатра и ждут нас.

Блейк сжимает Уэса за плечо.

– Я горжусь тем, что стою сейчас с тобой, приятель. Давай сделаем это.

Уэс смотрит на него с благодарностью. Моя мать берет его за руку, целует в щеку и спрашивает:

– Готов, милый?

Он улыбается в ответ, и они вдвоем встают за Джейми и папой.

Звуки музыки пробегают вверх по позвоночнику, вызывая мурашки. И внезапно я не готова. Господи. Мой братишка женится, а мама Уэса в последнюю минуту приняла верное решение. Музыка очень красивая, у меня глаза на мокром месте, а во рту сухо, как в пустыне.

Я начинаю расклеиваться, а свадьба даже не началась.

– Глубокий вдох, Джесси, – бормочет Блейк. – Все хорошо.

Он прав. Но соглашаться времени нет.

Ненавязчиво и твердо он берет меня за руку и ведет к началу группы. Передо мной ничего нет, кроме красивой зеленой травы в проходе до алтаря. Гости поворачиваются и смотрят на нас.

Вот и все. Я планировала это три месяца. Надеюсь, все получилось. Возможно, скоро начнутся месячные, раз я тону в эмоциях. Столько всего может пойти не так...

– Приготовились, и... – шепчет Блейк.

Я делаю с ним шаг вперед. Раз. Два.

Именно тогда, когда люди поворачиваются к нам, он сжимает меня за задницу. В том, что я сумела не завизжать, должно быть божественное вмешательство. Вместо этого я неловко двигаю тазом, из-за чего чуть не падаю на траву, но быстро возвращаю равновесие.

– О боже, – шепчу я уголком рта. – Зачем ты меня мучаешь?

– У тебя были стеклянные глаза. Хотел убедиться, что не свалишься на меня без сознания. Теперь лучше?

Если бы у меня был нож, сейчас этот человек был бы уже мертв.

Мы вместе идем по проходу, и я надеюсь, что фотограф не запечатлеет мою дикуую улыбку.

Мы доходим до подиума и, как по команде, встаем по обе стороны от священнослужительницы. Затем поворачиваемся на сорок пять градусов, как репетировали, и я бросаю на Блейка смертельный взгляд. Он по-доброму мне улыбается.

Я гляжу на гостей. Родители садятся на свои места, а брат через несколько секунд встает рядом со мной. Я заключаю его в объятия, потому что не могу сдержаться.

– Дорогие гости. Мы собрались здесь сегодня, чтобы чествовать союз двух особенных молодых людей...

Мое внимание привлекает всхлип в первом ряду. О боже. Это Дайсон. Он вытаскивает из нагрудного кармана расшитый носовой платок и сморкается. Громко.

Священнослужительница произносит вступление и приглашает мою мать прочесть стихотворение Эмили Дикинсон под названием «Навеки вырастает из...».

Из-за него я погружаюсь в собственные мысли. Поэтическое произведение напоминает, что надо двигаться со своим собственным «навек», сделав все правильно с «сейчас».

Мой брат Джо декламирует стихотворение Уолта Уитмана, а потом для чтения встает Тамми. Она несет к подиуму малышку Лилак, и все восклицают: «О-о-о-о!»

Улыбаясь, сестра читает отрывок из судебного постановления, которое отменило в Калифорнии конституционную поправку № 8⁹.

– Законный брак – это равноправный союз, – заканчивает она, и гости хлопают.

Я украдкой бросаю взгляд на мать Уэса. Не представляю, что сейчас происходит в ее голове, когда она следит за присоединением сына к нашему клану.

Напоследок перед клятвами виолончелист играет ирландскую мелодию, а крошечный племянник Тай идет, покачиваясь, и несет кольца. На середине он спотыкается, останавливается и оглядывается вокруг, будто не зная, что ему делать дальше.

Джейми становится прямо перед проходом, наклоняется и зовет его.

Тай с облегчением улыбается и начинает снова, шагая к дяде Джейми в своем маленьком пиджачке и галстук на застёжке. Все тают, и не только из-за того, что сидят под солнцем. Жених берет кольца и поднимает ребенка на руки, передавая мальчика его папе в первом ряду.

Когда Джейми встает лицом к Уэсу, священнослужительница просит их взяться за руки. С моего места не очень видно лицо брата, в отличие от Райана. Как правило, торжественность или серьезность – это не про него. Но сейчас его лицо светится от благоговения.

Начинаются клятвы.

– Я, Джеймс, – говорит священнослужительница, – беру тебя, Райан, в друзья и мужа.

– Я, Джеймс, – повторяет мой прекрасный брат, – беру тебя, Райан, в друзья и мужа.

– Чтобы быть твоим в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии. В радости и в горе, в неудаче и в триумфе я клянусь ценить и уважать, оберегать и защищать, утешать и поддерживать тебя и оставаться рядом навеки.

О, боже. Глаза безумно щиплет, пока я слушаю, как брат повторяет эти чудесные слова. Знаю, что он сдержит обещания. А Уэс смотрит на Джейми так, будто слышит слова любви впервые в жизни. Словно он боится дышать, лишь бы что-то не упустить.

И я тоже этого хочу: чтобы кто-то смотрел на меня, как на выигрыш в лотерее. Я мечтаю сказать «навек» и знать, что принимаю абсолютно верное решение. Я влюблялась раньше. Немного. Но никогда – так.

Когда наступает очередь Уэса, он приподнимает подбородок. Повторяя слова клятвы, постепенно краснеет.

⁹ Этой поправкой брак определяется как союз мужчины и женщины.

Мужчина медленно произносит каждую фразу, хотя его голос становится все более хриплым.

– Я клянусь ценить и уважать тебя...

На его глазах появляются слезы, и я сильнее сжимаю букет. *Ну же, милый*, безмолвно подбадриваю его я. *Еще чуть-чуть*.

Я чувствую, как Джейми наклоняется вперед на один-два градуса, сжимая ладонь Уэса.

– Оберегать и защищать тебя, – выдавливает он. Крупная слеза скатывается вниз по его щеке. Мое сердце разбивается на крошечные осколки. Может, мне и не нравилось организовывать свадьбу, но я счастлива быть сейчас ее частью.

– И оставаться рядом с тобой *навсегда*, – наконец заканчивает Уэс.

С первого ряда слышится шумное всхлипывание. Конечно же, это Дайсон. Я выдавливаю улыбку, чтобы тоже не начать плакать. Боковым зрением я вижу кучу людей, вытирающих глаза.

– Властью, данной мне штатом Калифорния, – с улыбкой говорит священнослужительница, – я объявляю вас вступившими в законный брак. Можете поцеловать мужа.

Уэс бросается вперед и заключает Джейми в крепкие объятия, словно он ждал этого часами. Брат похлопывает его по спине, поворачивает голову, чтобы его поцеловать, и все начинают аплодировать.

Музыканты снова играют. Дайсон громко рыдает, а наши мужчины получают бурные овации.

Дамы и господа, моя организаторская карьера достигла пика. Я помогла совершить магию, и мне больше никогда не придется делать это снова.

Без-урр-пречно

Блейк

Свадьба у Джесс получилась отпад. Не знаю, из-за чего она так переживала, потому что все просто без-урр-пречно. Церемония, ужин – все.

Сомневаюсь, что хоть один гость плохо проводит время. Народ танцует, болтает и жует пятиуровневый свадебный торт – я заставил себя попробовать только один кусочек. Если бы не здравый смысл, я бы съел уже четыре уровня из пяти.

Я ем тоннами.

Сейчас вот сосредоточился на алкоголе. Уэсли и Джей раскошелились: официанты разносят бездонные бокалы шампанского «Кристал» и ликера «Дом»¹⁰, а на газоне стоит целый стол с крафтовым пивом. Я остановился на шампанском. Всегда любил свадьбы. Торт. Бутылки «Домми Пи»¹¹. И раз уж у меня этого никогда не будет, можно побаловать себя здесь.

– Привет! Ты играешь с Райаном в одной команде? – воркует женский голос.

Я поворачиваюсь и вижу рыжеволосую девушку в сексуальном розовом платье. Не самые сочетаемые цвета, но ей идет.

– Я большая фанатка, – продолжает она.

– Правда? Фанатка хоккея? – Джейми всегда говорил мне, что в Калифорнии этот вид спорта не особо популярен.

– Ты *такой* мускулистый! – Она сжимает мой бицепс под пиджаком, словно пытается найти в продуктовом спелый лимон. Я терплю, потому что этой рукой я держу шампанское и если сделаю резкое движение, то обольюсь. Но шестое чувство посылает мне тревожные сигналы. Можете не сомневаться: я люблю женскую компанию, но сначала пусть хотя бы угостит меня ужином. Не уверен, что эта большая фанатка знает, как меня зовут.

– Что тебе больше всего нравится в хоккее? – спрашиваю я.

– Просто... все, – говорит девушка, окидывая меня голодным взглядом.

– Мне тоже, – признаю я. – Ты смотрела ту игру между Майами и Сиэтлом? Безумие какое-то, да?

– Великолепная игра. – Она с энтузиазмом кивает, держась за мои лацканы. Интерес к разговору умирает ужасной смертью. Вот черт. Я знал. У этих городов даже нет команд в НХЛ. Не имею ничего против женщин, охотящихся за хоккеистами, или женщин, охотящихся за сексом. Но я терпеть не могу *лицемеров*.

Мне ударяет в голову, и я начинаю тереть висок.

– Что случилось? – спрашивает она.

– ...снова в го-о-о-о-ороде!

От необходимости отвечать меня спасает подыхающая кошка на сцене, также известная как Мэтт Эриксон, пытающийся петь. Он, один из наших звездных нападающих, напился в хлам и стал распевать свою версию песни «Парни снова в городе»¹². Я начинаю оглядываться в поисках Джесс, потому что караоке с пьяным хоккеистом в ее планах не было.

Замечаю ее в углу сверкающего танцпола, поглощенную беседой с Синди. Она, похоже, не замечает, что с группой поет Эриксон, а не певец, которого она, наверное, выбрала после собеседований с пятью тысячами других кандидатов.

¹⁰ Сокр. от «Бенедиктин ДОМ».

¹¹ Сокр. от «Дом Периньон».

¹² «The Boys Are Back in Town» – песня ирландской рок-группы Thin Lizzy.

Однако гости все видят. И они обожают Эриксона. Десять моих товарищей по команде собрались перед сценой с ослабленными галстуками. Они поднимают вверх бокалы и подпевают громко и фальшиво.

– Вы, хоккеисты, явно очень буйные, – со смешком замечает рыженькая. – Ты... – Она понижает голос до шепота. – Не хочешь уйти отсюда? Куда-то в более уединенное место?

Я мягко снимаю ее наманикюренные когти со своей руки.

– Прости. Надо выполнять обязанности шафера. – И я устремляюсь прочь, пока она не начала возражать.

Я понимаю: свадьбы возбуждают людей. Но эта телка меня не зацепила, а заставила почувствовать себя куском мяса. Это не круто.

– Мать твою, – слышится унылый голос. – Я буду по этому скучать.

Я хлопаю товарища по команде Форсберга по спине, когда он ко мне подходит.

– Нет. Слышал о такой штуке – почта? Люди могут посылать друг другу письма и, блин, могу ошибаться, но, по-моему, даже отправлять что-то в другие страны. Да, сам знаю. Очень странно. Но это значит, что когда ты уедешь во Флориду, то сможешь просто открыть почтовый ящик, и вуаля! Ты увидишь пригласительные на празднование бар-мицвы¹³ и повестки в суд. Например, когда я подам иск по поводу той сотни баксов, которую ты мне должен...

– Ладно, ладно, понял. – Форсберг фыркает. – Ты хоть когда-нибудь затыкаешься, братан?

– Не-а.

Он проводит рукой по всклокоченным волосам и заглатывает половину пива.

– Я знаю, что вижу вас не в последний раз, но... Быть проданным в другую команду – полный отстой.

– Да. Знаю, чувак. – И, надеюсь, что со мной такого никогда не произойдет.

Если бы меня продали, я бы не волновался об адаптации в новой команде. Я вписываюсь везде. Отправьте меня на ранчо в ковбойских кожаных штанах, и я буду по-чемпионски набрасывать на быков лассо и обкатывать мустангов, пока не сядет солнце. Привыкать к новой франшизе было бы даже легче. Хоккей – это хоккей, так ведь?

Но мне нравится жизнь в Торонто: квартира, товарищи по команде, семья. Я еще не готов с этим попрощаться.

Форсберг, похоже, тоже. Он ходит с кислой рожей с тех самых пор, как главный менеджер сообщил ему плохие новости. Это, черт возьми, почти кошунство. Форсберг – один из тех игроков, которых продают из команды в команду каждые несколько сезонов, и его от этого тошнит.

Будет странно играть в этом сезоне без него на моей линии. Торонто обменяло Уилла Форсберга, настоящего ветерана, на Уилла О'Коннора, выпендрожника, который зол на весь мир. Похоже, жизнь всегда себя уравнивает.

Вот только О'Коннор за последние два года успел поиграть в трех командах. Слышал сплетни, что он не может держать рот и ширинку на замке. Видимо, кто-то сверху решил, что пригласить его в наш город будет хорошей идеей.

– У меня была тут жизнь, – бормочет Форсберг.

Он вот-вот расплчется. Я не знаю, что делать в такие моменты. Особенно если расстроен мужчина.

К счастью, на нас натывается Эриксон, спасая меня от необходимости придумывать какие-то шутки, чтобы развеселить Форсберга.

– Как вам? – спрашивает он, кивая на сцену. – Дал там жару, да?

Я усердно киваю.

¹³ Достижение религиозного совершеннолетия в иудаизме.

– Тебе надо бросать работу, чувак. Вот прямо сейчас.

Он тоже кивает.

– А Кара всегда утверждала, что я не могу петь! Говорил же, что она чокнутая! Близнецы обожают мои песни!

О нет. Он что, решил вспомнить Кару и детей? Уже? Не ожидал, что разговор о бывшей начнется до пяти стаканов пива.

– Хорошая жена предложила бы пойти на кастинг «Американского идола»¹⁴, – торжественно утверждаю я.

– Вот именно! Я охренеть как рад, что от нее избавился! Кара меня подавляла. – Но он начинает тереть глаза, и теперь я зажат между *двумя* парнями на грани слез.

«Отбой!» – кричит голос в моей голове.

Я за то, чтобы поддерживать приятелей, но это же праздник, черт возьми. Я развлекаюсь и уже навеселе. Я уже превысил свою квоту по грандиозным речам.

– Извините, – говорю я, делая торопливый шаг. – Мне машет Джей.

И, черт побери, я не лгу. Я коротко гляжу на небеса: «Ты это сделал?» Такая своевременность не может быть совпадением.

Я подхожу к Джейми, который тут же хлопает меня по руке и шепчет:

– Смотри.

Я слежу за его взглядом и вижу шведский стол с десертами. Там стоит Уэсли с мамой. Нет, там стоит Уэсли и *обнимает* свою маму.

– Как ты это устроил? – Джейми выглядит потрясенным.

– То есть?

– Как ты заставил Анджелу Уэсли приехать на свадьбу? Мои мама и сестра звонили ей месяцами. Черт, даже я пытался. – Он виновато смотрит на новоиспеченного мужа, словно боится, что Уэс услышит нас через всю лужайку. – Я звонил ей три раза и его отцу на работу. Они каждый раз бросали трубку.

– Понимаю. У меня от этого начал развиваться комплекс. Даже Кетти, моя девушка в старшей школе, столько меня не сбрасывала, а она постоянно так делала, братан.

– Кейти?

– Нет, Кетти. С двумя «т». У нее были огромные сиськи.

Джейми хихикает.

– Ну конечно. – Помолчав, он спрашивает тихим голосом: – То есть ты просто продолжал звонить?

– Каждый день после вашей помолвки. – Я морщу лоб, видя его расширившиеся глаза. – Знал, что, если на свадьбе будет хоть один человек из его семьи, он будет счастлив. Что? Это не нормально?

– Эм, нет. Не нормально.

Не успеваю я опомниться, как меня стискивают в медвежьих объятиях.

– Ты хороший друг, Блейк. Прямо... лучший.

Я тяну руку и шлепаю его по заднице.

– Ты тоже, Бомба Джей.

Джейми снова смотрит на Уэса и Энг. Я замечаю, что у Уэсли слегка блестят глаза. Потрясающе. Опять мужские слезы.

– Кажется, муженька надо спасать, – с усмешкой говорит Джейми. – Если фотограф, которого наняла Джесс, снимет его слезы, Уэс надерет парню задницу.

К слову о Джесс... Где там мой ангел?

¹⁴ Телешоу, где участники соревнуются за звание лучшего начинающего исполнителя США.

Джейми удаляется к супругу, а я еще раз оглядываю толпу, пока не нахожу Джесс. Она тоже обнимает свою маму. А затем она быстро спускается по ступеням из известняка, ведущим к садам.

Это потрясающее место. Я успел прогуляться вокруг с бабушкой Каннинг. Там через сады проходит выложенная камнем тропа и есть клевый пруд с рыбками.

Странно, что Джесс исчезает посреди банкета. Люди только начали танцевать. А ведь еще нужно бросать букет и хоккейную защиту для паха (по крайней мере, я на это надеюсь, хотя *кое-кто*, думаю, отказался и от этой идеи).

Опустив бокал на поднос проходящего мимо официанта, я направляюсь к каменной лестнице. Добравшись до нее, как раз успеваю заметить вспышку фиолетового всполоха у тропы.

Я перешагиваю через две ступеньки, да и мои ноги длиннее ног Джесс раза в два. К пруду я подхожу как раз в тот момент, когда Джесс валится на каменную скамью на противоположной стороне.

Это, мать твою, вечеринка или показ «Дневника памяти»?

– Уходи, – выдавливает девушка, замечая меня.

Ага, конечно. Я подхожу и сажусь рядом.

– Я сказала «уйди», – рычит она.

Стараюсь скрыть улыбку. Вот *это* меня как раз и заводит: женщина, которой на хрен сдался хоккеист Блейк Райли. Женщина, которая скорее меня прогонит, чем будет стараться впечатлить. Это... как поток свежего воздуха.

Я удивлен, что вдоль тропы или у пруда нет никакого освещения. Мы сидим в тени, и выражение ее лица сложно различить. Хотя мне это и не надо. Если она плачет, уверен, что на ее лице не солнце и радуга.

– Ох, детка, почему ты плачешь? – угрюмо спрашиваю я. – Больше так не делай.

Я слышу сдавленное всхлипывание.

– Почему нет?

– Потому что мне это не нравится. Хочется ударить твоего обидчика.

– Побить мою маму ты не можешь. – Она слабо смеется.

– Это сделала Синди? – Я удивлен. Мама Джесс – милейшая дама на планете. Никогда не слышал ни единого плохого слова из ее уст.

Джесс делает длинный, судорожный вдох.

– Она сказала, что гордится мной.

Я ахаю.

– Хватило же наглости!

Мой ангел даже не пытается улыбнуться. Шутки не помогают? Видимо, все совсем плохо.

– Она сказала, что я организовала лучшую свадьбу, на которой она только была, – шепчет Джесс.

– Опять же, не вижу никакой проблемы.

– Ты не понимаешь. – Она энергично качает головой, и прядь волос выпадает из высокой прически на глаза.

Я заправляю ее за ухо, и девушка меня не останавливает. Да, все хреново, если она решает до себя дотронуться. В последнее время она злилась, даже когда я просто улыбался. Не знаю почему. Я же перевернул весной весь ее мир. Мы оба это знаем.

– Это нечасто происходит, – продолжает она. – Я не тот человек, который получает от семьи много комплиментов. Наоборот, во всем лажаю. Тамми суперумная и отклонила миллион стипендий. Скотт мечтал стать копом с пяти лет. Джейми влюбился в спорт, как только начал им заниматься. Я же даже не знаю, в скольких профессиях попробовала себя и облажалась.

– В этом ты не облажалась. – Я указываю рукой по направлению к месту вечеринки.

– Не облажалась. – Она закусывает губу.

Я хочу быть тем, кто кусает эту губу. В марте я осуществил это желание. Впрочем, меня она тоже кусала, причем и за другие части тела.

Боже, одного раза с ней мне точно не хватило. Я не был монахом все эти четыре месяца с тех пор, как мы переспали, но это не означает, что я не думал о Джесс.

Даже наоборот, я думаю о ней *слишком* много. Обычно, когда обхватываю ладонью свой член. Она, наверное, дала бы пощечину, если бы узнала.

– Но я вот-вот это сделаю, – говорит она.

Я хмурюсь.

– Ты вот-вот облажаешься?

– Типа того. То есть... Мама стояла и говорила, как она мой гордится. Я же могла думать только о том, как, черт возьми, разочарую их тем, что... – Она замолкает.

– Чем?

– Что я больше не хочу быть организатором праздников, – стремительно выпаливает девушка.

Блин, и из-за *этого* она плачет?

– Кто-то держит у твоей головы пистолет и заставляет организовывать праздники?

– Нет. – У нее отчаянно вспыхивают глаза. – Вот видишь, я же говорила, что ты не пойдешь. Это считается провалом, ясно? Я пошла по очередному карьерному пути и снова бросаю. Поверь, моей семье это будет не по нраву.

Я пожимаю плечами.

– Просто поиск суперсилы занимает у тебя много времени. И все.

– Моей... ты о чем?

– В чем твоя суперсила?

Она фыркает.

– Я заставляю исчезать вино. И деньги.

– Не-а. Не наговаривай на мою Джесс. – Я сжимаю ее ладонь. – У каждого есть что-то, что делает его лучшим.

– У тебя это хоккей? – спрашивает она, шмыгая носом.

– Не совсем. Талантливых хоккеистов больше, чем ты можешь вообразить. Мое достоинство – высокий болевой порог.

Теперь она внимательно слушает, пожирая большими карими глазами.

– А вдруг я никогда не найду свою особенность?

– Найдешь. Просто надо продолжать искать.

– Иногда это так сложно.

Она стонет от отчаяния. Мой член напрягается: он помнит этот гортанный звук. Он слышал его много раз той ночью в Торонто.

Джесс Каннинг производит много шума в постели. Или, точнее, в кресле. Мне это нравится, потому что я тоже шумный.

– Организация этой свадьбы была сущим кошмаром, – признается она. – Я ненавидела каждую секунду: составление списков, звонки, отслеживание ответов на приглашения. Я надрывала задницу, Блейк. И хочешь узнать, что самое ироничное? Единственная причина, по которой все получилось, – это *ты*!

Я моргаю.

– Не-а.

– Да, – твердо говорит она. А потом опять стонет. Пора перестать это делать, потому что мой член в замешательстве. – Я организовала цветы, еду и список гостей, но ты... – В ее голосе появляются нотки раздражения. – Ты позаботился о самом важном. Нашел фотографии Уэса, привел его маму на церемонию. Я так хотела, чтобы эта свадьба была про них *обоих*.

Однако не могла это сделать, потому что с семьей Уэса охренеть как сложно. Но для тебя это не составило труда.

– Не могу понять, злишься ты или счастлива, что я это все сделал.

– И то и другое! – Она поднимает руки и начинает вытаскивать из волос шпильки, давая золотистым прядям упасть на плечи.

О господи, на ее ресницах снова слезы.

– Не начинай опять плакать, – предупреждаю я.

– Или что? – Она издает звук, похожий на что-то среднее между всхлипыванием и смехом.

– Или придется предпринять крайние меры.

– Например? – Она бросает мне вызов.

Я смотрю на ее рот и розовую помаду. Обычно я предпочитаю красную: так сексуальнее, когда на головке члена остается кольцо. Хрен с ним. Хоть мне и нравится катание вокруг да около, мне давно пора ударить по воротам.

Я целую ее.

Серьезный случай синдрома дефицита внимания

Джесс

Блейк меня целует. Как, черт возьми, это случилось? И почему я его не останавливаю? Ладно, я знаю почему. Потому что это так приятно.

Учитывая его телосложение и серьезный случай синдрома дефицита внимания, можно было бы ожидать, что он целуется небрежно. Но нет. Блейк действует с поразительной нежностью. Его губы теплые и мягкие, и он всегда усердно работает языком. Помню это с нашего прошлого раза.

И эффект все такой же мощный.

Он накрывает ладонью мой затылок и углубляет поцелуй. Мужчина проводит горячую линию по нижней губе. Открыв глаза, я вижу, что он зажмурился. На его прекрасном лице выражение сосредоточенности, и это вызывает у меня улыбку. Язык проскальзывает между губами и касается кончиком моего. Разряд электричества пробегает по позвоночнику.

Между бедрами жар скручивается спиралью. Все так быстро и неожиданно, что я отскакиваю.

– Ну уж нет. Говорила же, ничего не будет.

Он открывает свои зеленые глаза, в них горит желание.

– Но я хочу повторить.

– Нельзя всегда получать то, что хочешь, парень.

– Ты так со мной жестока.

– Кто-то должен таким с тобой быть. – Я стараюсь успокоить дыхание. Сердце бьется слишком быстро, и, черт, почему я не надела нижнее белье? Я не хотела, чтобы было видно очертания трусов, но сейчас вполне уверена, что по шкале унижения мокрое пятно намного ужаснее.

– В Торонто ты не была со мной жестока...

Нет, не была. И посмотрите, к чему это привело: я скакала на члене Блейка, как на пружине, пока брат чуть не умер в другой комнате.

Блейк более проницателен, чем я думала. Или, может быть, он просто читает мысли.

– Ты не виновата, что у Бомбы Джея в ту ночь был жар. У него была пневмония. Если бы мы смотрели телевизор в одежде, это ничего бы не изменило.

Головой я это понимаю. Но если я не сосредоточусь на чувстве вины, то могу начать думать о чем-то другом... Например, как приятно было чувствовать под собой мускулистое тело Блейка, какой полноценной я была с ним внутри себя.

Он не мой типаж. Даже наоборот, его противоположность. Он крупный, наглый... *качок*. Мне нужен кто-то интеллигентный, с кем я смогу вести серьезный разговор, а не тот, кто говорит «хоспади» и другую ерунду в стиле студента из братства.

Секс на одну ночь – ладно. У меня он *был*. Но нет смысла повторять это еще раз, если я знаю, что с этим парнем нет будущего.

Блейк, однако, не был бы собой, если бы не стоял на своем.

– Той ночью мы здорово повеселились, малышка Джей. Давай еще раз.

– Нет, спасибо.

– Ты всегда такая упрямая?

– Ты всегда такой назойливый?

– Конечно, ясен пень. – Он ухмыляется. – А может, так? Мы не будем трахаться. Я просто хочу еще один поцелуй.

Я закатываю глаза.

– А может... нет?

Взрослый мужчина *дует*, и это должно выглядеть нелепо, но меня вновь привлекает сексуальный изгиб губ, и... а-а! Нет. Я больше не буду его целовать.

– Один поцелуй, – настаивает он.

– А потом что? – настороженно спрашиваю я.

– А потом вернемся на вечеринку, и, может быть, ты пару раз поколбасишься со мной на танцполе. Или нет. Ты многое упустишь, если откажешься: я неплохо двигаюсь, Джесси. Но я не даю.

«Ясен пень». «Поколбасишься». Этот мужчина не глубже лужи.

Я опять смотрю на его рот.

Почему я задумываюсь об этом?

– Ладно. Еще один поцелуй, – говорю я сдержанным тоном. – Но только чтобы ты от меня отстал. – Ха. Какая же я щедрая. Ведь это никак не связано с тем, что губы покалывает от предвкушения.

Он расплывается в широкой улыбке. Потирает ладони и щелкает суставами, словно готовится не к поцелую, а к драке.

– Я не могу тут сидеть всю ночь, приятель. Хочешь поцелуй – действуй. А то... – Слова застревают в горле, когда он опускается передо мной на колени. – Что ты делаешь?! – визжу я.

Большие теплые ладони проскальзывают под низ моего платья, медленно подтягивая сатиновую ткань вверх.

– О чем ты? – невинно спрашивает он.

От удивления у меня учащается пульс.

– Где мой поцелуй?

Не обращая на меня внимания, он поднимает платье до самой талии и стонет так громко, что я испуганно оглядываюсь. Но никого с лужайки отсюда не видно, а значит, и гостям нас тоже.

– Без трусов? – выдавливает он. – Серьезно? Мы шли до алтаря, а на тебе не было трусов? Ты хочешь меня убить?

Я все еще слишком ошеломлена тем, что он у меня между ног, чтобы ответить.

Блейк рвано вздыхает. Его лицо так близко к моей плоти, что я ощущаю теплое дыхание на клиторе. Я дрожу от желания и проклинаю себя за это.

– Вставай, извращенец, – ворчу я, пытаюсь опустить платье.

Он сжимает мои ладони одной своей.

– Сначала я получу свой поцелуй. – В его глазах появляется озорной проблеск.

– Мои губы тут, козел.

Он еще больше изгибает губы, и его улыбка становится все похотливее.

– Ты сказала «поцелуй», милая. Но не уточнила *куда*.

А потом этот грязный рот касается моей ноющей плоти, и поганый язык лениво и тягуче ее облизывает.

Господи. Боже. Мой.

Ошеломляющая волна удовольствия прокатывается от клитора до груди и до... ну, до всего. Я ощущаю движение языка каждым сантиметром тела. Это так приятно, что мне не хватает сил оттолкнуть мужчину. Я даже делаю обратное: хватаю его за затылок и притягиваю ближе, а предательские ноги раздвигаются шире.

– Да, это и нужно, – бормочет Блейк в мою чувствительную плоть. – Раскройся мне, милая.

Я его ненавижу.

Ненавижу теплые губы и умелый язык.

Ненавижу, как ладони жалят внутреннюю поверхность бедер, а грубый кончик пальца касается моего отверстия.

Ненавижу...

Нет. Я *обожаю* это – все, что он со мной делает. Каждое движение языка по клитору, любой стон. Но от этого нет никакого освобождения. Нет никакого лекарства от этого узла напряжения, который стягивается внизу моего живота.

– Мне надо кончить. – Я почти вою.

Между ногами вибрирует его смех – мужской, хриплый, самодовольный. Он опять лижет меня языком и одновременно двигается пальцем ниже, проскальзывая внутрь.

Это все, что нужно. Я ахаю, когда оргазм разрывает меня на части, пульсируя в крови и заставляя дрожать колени. Я сжимаю волосы Блейка в кулак.

Когда я, наконец, успокаиваюсь, он поднимает голову и вытирает запястьем рот.

– Обожаю тебя целовать, – торжественно говорит он.

Мозг стал слишком медленным от пресыщения, чтобы ему ответить. Однако, несмотря на туман удовольствия в голове, я хотела его ударить.

С твердостью скалы

Джесс

Пусть пару часов назад между мной и Блейком произошло что-то сумасшедшее, покой нам только снится. Вечеринка крутится вокруг меня. Джейми и Уэс уже отчалили: в полночь лимузин отвез их в родительский дом, чтобы они могли немного поспать (или побыть наедине) перед медовым месяцем. А я начала уборку. Всю тяжелую работу сделают официанты, а мне надо забрать украшения, вернуть одолженные вещи, дать чаевые диджеям и вызвать такси.

Я слишком занята, чтобы думать о Блейке или искать его в толпе. Нет времени думать, что произойдет позже ночью в моей кровати...

– Джесс, можно тебя на минутку?

Стул, который я в этот момент складывала, валится на землю, потому что я слишком торопливо повернулась к маме.

– Эм, конечно. – Я выгляжу виноватой? Мама – женщина с лучшей интуицией в мире. Она поняла, что мой куст патрулировал шафер?

Но она только улыбается и дает маленькое лимонное печенье с тарелочки, которое предлагает всем.

– Я хочу попросить тебя о небольшом одолжении. Не могла бы ты проводить своего брата и Уэса в аэропорт в пять утра? Я думала, что сама займусь этим, но это будет за два часа до нашего отъезда. А бабушка ожидает горячий завтрак в шесть тридцать утра. Я не справляюсь с ней, когда сама буду зомби.

– Конечно, – быстро соглашаюсь я, наклоняясь вниз, чтобы опять расположить стул вертикально. Боже, надеюсь, на платье у меня нет мокрого пятна. – Я все сделаю.

Мать кладет руку мне на плечо.

– Я *очень* тебе благодарна. Ты прошла через все это с твердостью скалы. Любой, кто наймет тебя для организации праздника, будет счастлив.

Я содрогаюсь, когда она это говорит. Организовать чужую свадьбу легче, но у меня все равно нет желания делать это еще раз.

– Что такое, солнышко? – спрашивает мать, что-то заметив.

Может быть, дело в шампанском, но я говорю правду:

– Организация свадеб – не совсем мое.

Ее реакция следует незамедлительно, и это именно то, что я ожидала: она бледнеет.

– Слушай, – торопливо говорю я, – это не из-за того, что я не могу с этим справиться или мне скучно. Но я должна заниматься чем-то важным. Чем-то, что дает миру больше, чем выбор цветовых схем.

Мама вздыхает, и этот звук режет слух. Я именно тот ребенок, для которого она копит вздохи.

– Но прошло три месяца с тех пор, как ты объявила, что *это* твое будущее.

– Четыре, – поправляю я, хотя это не поможет. – И я бы продолжила этим заниматься. Я хороший организатор праздников. Это не похоже на дизайн египетских украшений, мам! Но, когда болел Джейми, я все поняла. Понадобилась пара месяцев, чтобы все обдумать, но я наконец-то в себе разобралась.

Мама сует в рот печенье. Понимаю, что вывела ее из себя. Обычно она избегает белую муку и сахар.

– Так Расскажи мне. – Она кивает, призывая с этим покончить.

– Я хочу пойти в медицинскую школу. Знаю, что будет сложно, но я очень хочу этим заняться.

Она жует. Сглатывает.

Она сует в рот еще одно печенье.

Ох.

Наконец она берет меня за руку.

– Учиться в медшколе дорого, солнышко. И сложно. Если ты начнешь, то должна закончить.

– *Закончу*, – настаиваю я. – Уже подала заявки в четыре школы.

У нее расширяются глаза.

– Это много.

– Они, эм, дорогие, как ты и сказала. И там большой конкурс. Но я справлюсь. У меня «четыре» по органической химии. Для них это важно. Я достаточно умна, чтобы поступить.

– Я никогда в этом не сомневалась. – Она гладит меня по запястью. – Ты можешь справиться со всем, за что возьмешься. Но вот со старательностью проблемы: ты сдаешься, когда становится сложно.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не начать спорить. Это не совсем правда, но так меня видит семья.

– Я хочу быть медсестрой, мама. Как сестра Берта. – Она ухаживала за Джейми, когда он лежал с пневмонией в больнице в Торонто. Мы с матерью ее боготворили. – Я всегда говорила, что хочу заниматься чем-то связанным с искусством, но ошибалась. Есть много способов привносить в мир красоту. Я хочу помогать людям, которые больны и напуганы. Это самое лучшее, что я могу сделать со своей жизнью.

Выражение на лице матери говорит, что я на верном пути. Она смотрит на меня так же, как на Тамми, словно я стою ее усилий.

– Сколько стоит учеба в медшколе? – мягко спрашивает она.

– Ну... – Я прочищаю горло. – Калифорнийский университет в Сан-Франциско, к сожалению, самый дорогой. Первый год стоит пятьдесят пять тысяч.

– Пятьдесят... – Мама издает такой звук, точно задыхается. – *Солнышко*, у нас нет таких денег.

Я уменьшаюсь в размере, когда это слышу. Конечно, это сумасшедшая сумма денег. Ни у кого в семье нет машины, которая столько стоит. Но в голове возникает вопрос: была бы реакция менее бурной, если бы то же самое нужно было другому ее ребенку?

– Это... я... – Мое достоинство сегодня принимает удары со всех сторон. – Я найду способ. – Это делает меня похожей на капризного ребенка, но я серьезно. Даже если родители не помогут, должен быть какой-то выход.

– Наверняка есть другие программы. – говорит мама, отходя от шока. – Дешевле. Я помогу тебе с поиском.

– Ладно, – медленно соглашаюсь я. Но я *уже* искала. Магистерские программы дорогие. А я все хочу сделать правильно. – Есть кредиты.

Она морщится. Мать не верит, что я доведу дело до конца.

– Мы что-нибудь придумаем.

– Нет, я со всем разберусь. Я должна все сделать сама. – Я не могу продолжать бегать к мамочке за финансированием всех моих начинаний. Не в этот раз. Знаю, что с советами Дайсона я смогу с этим справиться. И быть независимой – единственный способ показать матери, что я серьезна.

– Джесс?

Я поднимаю взгляд и встречаюсь глазами с самым несерьезным человеком на Земле. А затем дрожу, потому что Блейк Райли в этом костюме *слишком* привлекателен. Его широкие

плечи – выступ, на котором девушка может удобно расположить голову. На его гладком лбу лежит прядь непослушных волос.

Мужчина привлекателен, но мне совершенно не подходит. Он большой игривый парень. А в следующем году мне будет не до игр: жизнь будет крутиться вокруг достижения целей.

– Ты готова вернуться в свою квартиру? – Он смотрит с широкой ухмылкой, которая *совсем* не невинна.

– Давай я дам тебе ключ, – наконец, принимаю решение я. – Вот. – Я хватаю со стола клатч. Мой ключ от дома расположен на отдельном кольце, требуется несколько лишних секунд, чтобы его снять. – Будь как дома, – твердо говорю я. – Приеду попозже.

Он склоняет голову набок.

– Уверена? Я могу тебе помочь?

– Спасибо, все под контролем.

Он подбрасывает ключ в воздух.

– Ладно. Я оставляю свет включенным. Спокойной ночи, Синди. Клевая вечеринка.

Моя мать широко улыбается, обнимает его и желает спокойной ночи.

Когда он уходит, я не смотрю ему вслед. Позже я буду настаивать, чтобы переночевать у родителей. Так удобнее завтра утром проводить Джейми и Уэса в аэропорт.

Блейк проведет ночь в моей кровати. Но меня там не будет.

Порывы высказаться

Блейк

Я вваливаюсь в раздевалку после тренировки, возбужденный до предела. Сегодня мы отожгли. Все отлично сработались. Катались как чемпионы. Даже тренер под конец стал улыбаться, а этот чувак всегда хмурый.

Мы выиграем чемпионат в этом сезоне. Помяните мое слово. Черт, мы могли бы это сделать и в прошлом году, если бы нам не помешали травмы во время первой серии плей-оффа. Я никогда раньше не побеждал в чемпионате. Интересно, такой ли тяжелый кубок, какой он на вид? Форсберг победил однажды с Чикаго несколько сезонов назад. Говорит, что трофей весит тонну, но, мне кажется, он просто смеется.

У соседнего шкафчика Уэсли стягивает с себя потные джерси и наколенники и валится на скамейку в одних хоккейных шортах. Его грудь блестит от пота, а в волосах полный беспорядок. Он проводит по ним левой рукой, и я хохочу, когда замечаю его безымянный палец.

– Чувак, когда ты это сделал? – Я хватаю его ладонь, где теперь у него свадебное кольцо-тату.

– Ай, – восклицает он, отталкивая мою руку. – Оно еще болит, придурок. Я сделал это вчера вечером.

– Слишком крут, чтобы носить настоящее?

– Нет, просто я устал постоянно снимать его перед тренировками, а не снимать не могу, потому что неудобно носить его под перчаткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.